Глава третья

РАЗВИТИЕ ИДЕИ ГЕРБА В ДАТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Выясняя исторические обстоятельства возникновения герба, мы пришли к выводу, что в Дании, равно как и в других странах Западной Европы, герб зарождался в качестве элемента придворно-рыцарской культуры, как один из знаков, характеризовавших типический общественный образ носителей этой культуры – государей и их военных слуг, рыцарей и вебиперов ("дворян"). Самое историческое имя "герба" утверждалось на почве понятий, которые вырабатывались под впечатлением от знаков, увиденных именно на предметах рыцарского оружия, существовавших в действительности и в виде художественных изображений. Иными словами, со времени своего возникновения как культурно-исторического явления герб в Дании осознавался рыцарской, дворянской эмблемой, наделявшейся чертами усваиваемого образа. Но из предыдущего изложения вытекает также и то, что впоследствии в Дании под гербами подразумевались эмблемы городских общин, или городов, церковных учреждений, земель и областей, подвластных королям Дании, или Датского королевства. К этому следует присовокупить, что с течением времени на датской почве имя "герба" начало прилипаться к эмблемам лиц, которые по своему происхождению не принадлежали к дворянскому сословию. Стало быть, в Дании постепенно понятие "герба" дополнялось новым социальным и политическим содержанием, из чего можно заключить, что в датском общественном сознании по ходу истории происходило развитие идеи герба как отличительного символического знака.

В то же время нельзя не отметить, что историки геральдики, датские в частности, по обыкновению оставаясь равнодушными к вопросу о духовно-исторических условиях возникновения и развития понятия "герба", привыкли, не вдаваясь в объяснения, обозначать его именем разного рода эмблемы, обнаруживаемые на печатях средневековых городов и их обитателей. На тех же неопределенных основаниях в историографии утвердилось представление о существовании якобы уже с эпохи зарождения и становления "дворянских" гербов понятий о "гербах" государств, княжеств и их отдельных областей, а также церковных учреждений. Отсюда самая проблема развития в общественном сознании идеи герба в сторону наполнения этого понятия новым социальным и политическим содержанием осталась в историографии без должного внима

ния. Таким образом, выяснение культурно исторических обстоятельств, при которых совершалось это развитие на датской почве, по сути дела является темой новой и, следовательно, нуждающейся в подробном изучении.

Бюргерские гербы

Приступая к исследованию данной темы, прежде всего вспомним, что важнейшей особенностью герба как "дворянской" эмблемы было то, что он служил знаком-символом конкретной личности-индивидуальности, через которую типически выражалась духовно-общественная индивидуальность под названием *ordo militum*. Эта особенность характеризовала герб и тогда, когда его стали рассматривать в качестве родовой, наследственной дворянской эмблемы. Следовательно, одно из условий, которое требовалось для признания за эмблемой лица, не принадлежавшего к чину рыцарей, или дворянскому сословию, значения герба, заключалось в наличии самой личности-индивидуальности. Одновременно данное лицо должно было испытывать душевную потребность в том, чтобы представлять себя через индивидуальные знаки. И такая потребность у датчан, не принадлежавших по общественному положению к *ordo militum*, развилась уже в Средние века, о чем свидетельствуют знаки, которые использовались датскими горожанами и бондами. По иконографическим признакам эти знаки можно подразделить на две категории. Одни представляют собой сочетание разнообразных геометрических линий, напоминающих буквы рунического алфавита, иногда с добавлением окружностей или полуокружностей. Другие предстают в виде разнообразных фигур, в том числе таких, которые характерны для дворянских гербов.

Что касается руноподобных знаков, употреблявшихся в Средние века и Новое время не только датчанами, но и другими народами германского корня[1], то они обнаруживаются главным образом на печатях или в виде подписей под документами, а также на надгробиях и иных предметах, причем иногда эти знаки предстают заключенными в щитах. Самые древние их изображения в Дании датируются началом XIV в. Из этого, принимая во внимание состояние наших источников, еще нельзя заключать, что руноподобные знаки не употреблялись в более раннее время. Ибо печати, главный источник, содержащий сведения о руноподобных знаках, мало-помалу входят в употребление у датских горожан и бондов только с конца XIII столетия. Между тем как знаки собственников, каковыми обыкновенно их считают исследователи, руноподобные знаки могли использоваться уже в V в., если верно их отождествление с теми знаками собственников, о которых содержатся упоминания в тогдашних и позднейших памятниках германского права, в том числе датских "правдах". Это подтверждается археологическими находками. Самые ранние из них, относящиеся приблизительно к 400 г., – это древки стрел, обнаруженные в середине XIX столетия в Нюдамском болоте (Nydam-mose), находящемся на юге Ютландского полуострова. На этих "Нюдамских древках" (*Nydam-Pile*) вырезаны знаки, характеризуемые теми

[1] См.: *Homeyer C.G.* Die Haus- und Hofmarken. B., 1870.

же внешними признаками, что и знаки на печатях, принадлежавших датчанам XIV–XVII вв.[2]

Свидетельство того, что у скандинавских народов еще в конце эпохи викингов или даже в XII в. существовал обычай вырезать знаки на древках стрел, находим и в "Саге о Йомсвикингах" (*Jómsvikinga saga*), памятнике исландской словесности начала XIII столетия. Но тождество внешних признаков, характеризующих знаки разных эпох, еще не есть доказательство того, что и по своему смысловому значению они однородны. Поэтому, не имея оснований считать данную мысль ошибочной, мы не можем не усомниться и в смысловой однородности руноподобных знаков, которые представлены на древках стрел, извлеченных из Нюдамского болота, а равно и руноподобных знаков, встречаемых на печатях датчан, самые ранние из которых восходят к началу XIV столетия. Первые могли представлять собой магический символ, которым владелец вырезал в надежде, что стрела приобретет чудодейственную силу и тем самым неотвратимо нанесет неприятелю смертельную рану[3].

Однако мог ли такого рода символ иметь значение личного знака, каковым, несомненно, предстают руноподобные знаки на печатях датчан и других северных германцев, живших в XIV и последующих столетиях? На этот вопрос, за отсутствием прямых доказательств, мы тоже можем давать лишь предположительные ответы, причем как отрицательный, так и положительный, ибо нельзя исключать, что и символ с магическим смыслом мог выступать в роли личного знака.

Что касается дешифровки весьма малочисленных руноподобных знаков, восходящих ко времени до XIV в., то в этом направлении положительных результатов добиться пока не удалось. Этого нельзя сказать о раскрытии содержания знаков, обнаруживаемых на печатях представителей скандинавских народов. Еще датский собиратель древностей О. Ворм в книге "Руны, или древнейшая датская словесность, в просторечии называемая готика" (*Runer Seu Danica Literatura Antiqvissima, vulgo Gothica dicta*, 1636 г.), опираясь на сообщение своего исландского корреспондента, писал, что эти знаки по большей части представляли собой имена, зашифрованные с помощью букв рунического алфавита. Впоследствии, в XIX–XX вв., это отчасти нашло свое подтверждение в изысканиях специалистов в области рунического письма и руноподобных знаков[4].

Очевидно, что такого рода знаки представляли конкретных лиц, имели индивидуальный характер. В то же время есть немало примеров, когда отцовский знак становился основой для создания знаков сыновей посредством внесения некоторых изменений в его иконографию. Впрочем, как можно заключить из памятников XIV–XVII вв., иногда знак отца и без изменений мог наследоваться его детьми и, более того, через дочерей переходить в другой род, что прослеживается на примере знаков представителей бюргерских родов из Роскилле (илл. 61) и Хельсингёра[5].

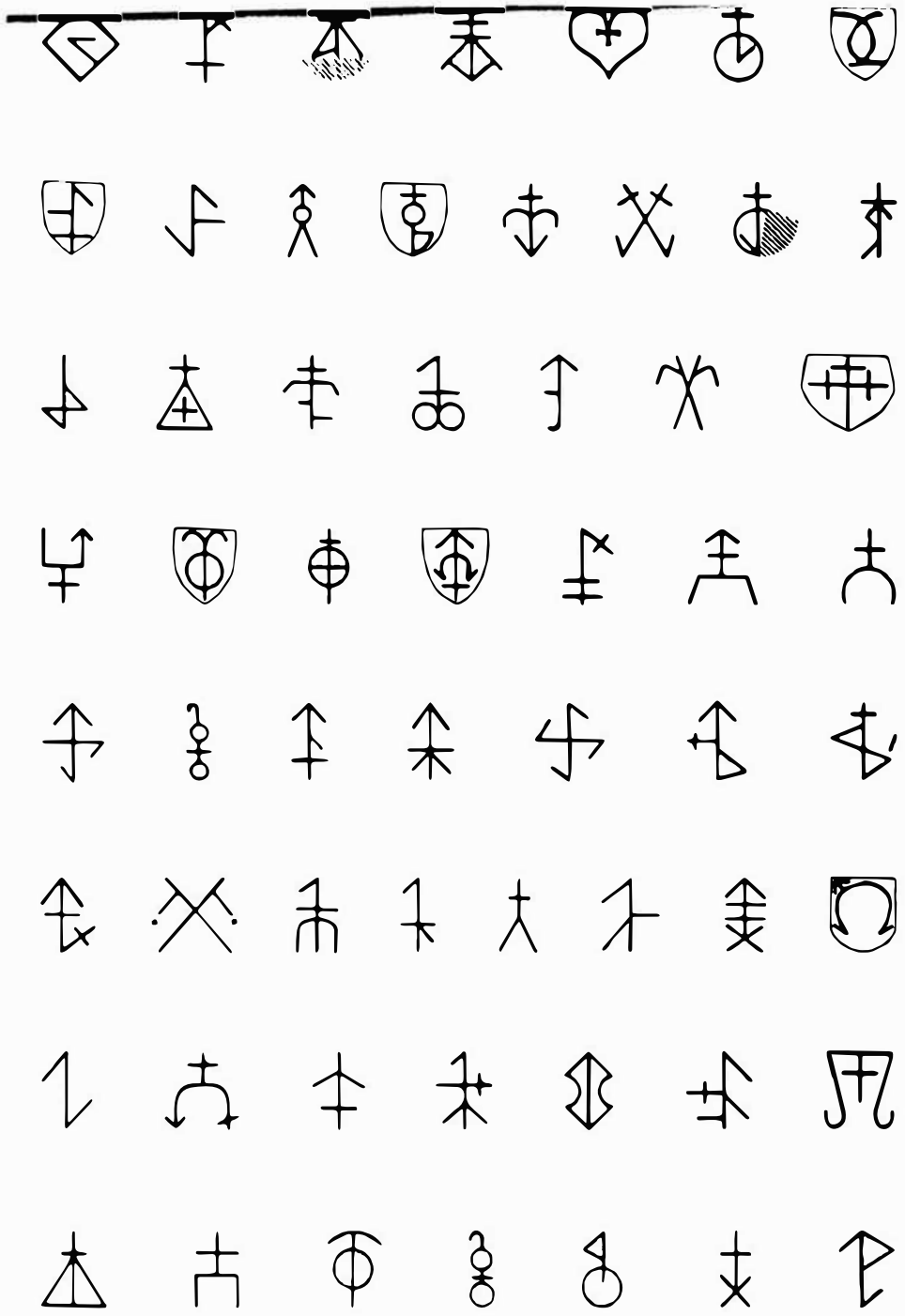
---

[2] *Jacobsen L., Moltke E.* Danmarks Runeindskrifter. Kbh., 1941. Atlas, fig. 44; *Tønnesen A.* Bomærker og runer // Herald. Tidsskr. 1985. N 51. S. 23.

[3] *Jacobsen L., Moltke E.* Op. cit. S. 37–38.

[4] *Tønnesen A.* Bomærker... S. 24–34.

[5] *Lysdahl I.* Roskildeborgeres segl 1270–1450 // Herald. Tidsskr. 1974. N 30. S. 446–447; *Tønnesen A.* Helsingørs bomærker. Kbh., 1968; *Idem.* Lavadelens brug af bomærker // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange, 6. juni 1990. Odense, 1990. S. 146.



Илл. 61. Знаки на печатях горожан Роскилле, 1338–1450 гг.

В XVI–XVII вв., как, по видимому, и в более раннее время, руноподобные знаки принято было обозначать словом "mærke". Так, например, в городской книге города Хельсингёра за 1549–1556 гг. сохранился документ, составленный на датском языке от имени Фрерика Тённесесена, что подтверждалось, как сказано в тексте, его "собственным знаком" (*mitt eget mærke*), который изображен под текстом грамоты именно в виде руноподобного знака[6].

О. Ворм обозначал такой знак латинским словом "littera" (буква), а другой датский ученый филолог XVII в. П. Сюв в сочинении "Размышления о кимбрийском языке" (1663 г.) назвал его "bomærke"[7]. Этот термин затем и стал общеупотребительным в Скандинавских странах для наименования руноподобных знаков. Кроме того, в XVIII–XX вв. он нередко прилагался к другим личным знакам, в том числе представлявшим собой инициалы и монограммы, которые составлялись из латинских букв.

Со Средних веков руноподобные знаки датских горожан и бондов иногда заключались в щиты, чему обнаруживаем свидетельства на печатях, а также, изредка, в церковной стенописи. Появление таких изображений, вероятно, было связано с тем, что представители указанных сословий действительно могли помечать руноподобными знаками, при отсутствии у них гербовых эмблем, свои боевые щиты, с которыми их обязывали являться в народное ополчение датские законы. Нельзя также исключать и того, что данный обычай являл собой подражание дворянским гербовым эмблемам, которые на печатях и в церковной стенописи всегда предстают заключенными в щитах.

В XVI столетии получил также развитие обычай, согласно которому руноподобные знаки, заключенные в щитах или рамках, принято было изображать на надгробиях датских бюргеров. Следовательно, функциональное назначение такого рода знаков расширилось. На надгробии, как еще раньше на печати, данный знак выставлялся не в качестве знака собственника, а в качестве обозначения лица, которому это надгробие посвящалось. Такую же роль на надгробиях дворян еще с XIV в. выполнял герб. Отсюда можем заключить, что практика украшения надгробий бюргеров их личными знаками развилась под влиянием более древней практики обозначать дворянские надгробия гербами. Но, переняв от герба функцию надгробной эмблемы, руноподобный знак не стал гербом, ибо его носителем оставалось лицо, не принадлежавшее к дворянскому сословию. Из этого, впрочем, еще не следовало, что такой знак вовсе не мог перейти в разряд гербов. Тому подтверждением служат польские и немецкие руноподобные гербы, вероятно, имевшие своим источником древние знаки собственников. В Дании, однако, не принято было употреблять руноподобные знаки в качестве дворянских гербов, о чем свидетельствуют и гербы аристократических родов, и гербы тех лиц, которые получили дворянские права по грамоте в XV–XIX вв.

Таким образом, говоря о руноподобных знаках, бывших в употреблении у датчан в Средние века и Новое время, а порой еще и в XX столетии[8], можно отметить, что эти знаки, изображенные на печатях и надгробиях,

[6] Helsingør stadsbog 1549–1556. Rådstueprotokol og bytingbog / Udg. ved E. Kroman. Kbh., 1971. S. 72.

[7] *Tønnesen A.* Bomærker... S. 24–25.

[8] *Tønnesen A.* Bomærkeføring i vore dage // Herald. Tidsskr. 1970. N 22. S. 86–88.

альность.

Однако руноподобные знаки употреблялись не только бюргерами и бондами, но и лицами из дворянского сословия. Известны случаи, датируемые XV–XVI вв., когда и датские дворяне изображали такие знаки на своих печатях. Но одновременно следует отметить, что дворяне эти происходили из родов, которые имели гербы, иконографией отличавшиеся от руноподобных знаков, и что эти гербы они носили. Примером может служить иконография печати Ивара Нильсена, происходившего из знатного рода Ланге (Lange), которую он употреблял в 1416 г., когда в документах писался горожанином ютландского города Варде (*bymand i Varde*). На этой печати представлен щит с гербом рода Ланге (три розы) и одновременно руноподобный знак, изображенный над щитом[9].

Следовательно, можно сделать вывод, что руноподобный знак указывал не на сословие лица, а на его имущественное положение в обществе, а именно на обладание правом собственности на какое-то имущество, в том числе землю. А собственником в Дании эпохи Средневековья и Нового времени мог быть и недворянин, член городской общины или бонд, т.е. представитель податных, или так называемых "несвободных" (*ufri*), сословий. Напротив, герб, как мы пытались показать выше, по своему происхождению не являлся знаком собственника, а был эмблемой, которая отличала ее владельца как представителя военно-служилого сословия. Вот почему бюргеры при возведении в дворянское звание, как свидетельствуют дворянские грамоты XV–XVII вв., получали непременно и гербы. При этом новые дворяне всегда заменяли свои старые печати, на которых присутствовали руноподобные знаки, на печати с утвержденными королем гербами. Об этом, например, свидетельствуют печати члена городского совета Копенгагена Герлака Флора (Gerlak Flor). Еще не имея дворянских прав, он использовал печать с bomærke (1449 г.). Но уже как вебнер Герлак скреплял документы печатью с гербом (1453 г.)[10] (илл. 62). Также перемена в иконографии печатей отмечается у бургомистра Хельсингёра Педера Хансена, основателя дворянского рода Лиллиефельд (Lilliefeld). В 1468–1473 гг. он употреблял печать с руноподобным знаком, но в 1476 г. получил дворянские права и в 1481–1492 гг. уже использовал печать с изображением пожалованного ему герба[11].

Впрочем, у новых дворян и их потомков знаки собственников по-прежнему находили свое употребление, как видно на примере того же рода Лиллиефельд и рода Росенвинге (Rosenvinge), основатель которого, именитый горожанин Хельсингёра Могенс Йенсен получил дворянские права в 1505 г.[12]

Но если гербы упомянутых родов оставались неизменными из поколения в поколение, то руноподобные знаки, которые использовали их представители, будь то отец и дети, две сестры или два брата, еще раз это отметим, как правило, отличались друг от друга некоторыми дополнительными деталями. Эти отличия, несомненно, указывали на индивидуальный

---

[9] DAS II. F XLIII, 9.

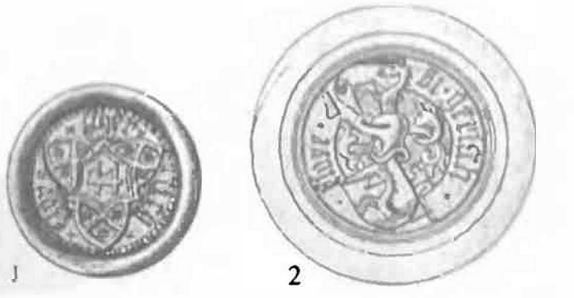
[10] *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898-1905. S. 602 (DRH. Bd. II).

[11] DAS II. F XV, 3.

[12] *Tønnesen A.* Lavadelens brug af bomærker. S. 146.

характер знака, что проистекало от его изначального назначения – служить знаком собственника[13].

С XVI в. руноподобные знаки начинают дополняться латинскими инициалами, а то и вовсе ими вытесняться, о чем свидетельствуют, например, надгробия конца указанного столетия. Так, на надгробии бургомистра города Кёге Педера Педерсена (Peder Pedersen), датируемом 1583 г., предстает щит, заключающий одновременно с руноподобным знаком латинские буквы "PP"[14] (илл. 63), а на надгробии его земляка Ханса Сверисена (Hans Sverisen), умершего в 1588 г., представлен щит, на котором подобного рода знак изображен в сопровождении инициалов "HS". На надгробной плите каноника Петруса Иоханниса (Petrus Iohannis), почившего в 1592 г., которая находится в кафедральном соборе Роскилле, обнаруживается щит только с инициалами "PI"[15]. В XVII столетии латинские инициалы могли принимать вид монограмм. Такую монограмму, образованную из начальных букв имени и отчества, видим в качестве единственного знака на щите, который был выставлен в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря. Этот щит сопровождает имя земского судьи Зеландии (1662–1665) Кристена Стеенсена, не принадлежавшего к дворянскому сословию[16] (илл. 66).



Илл. 62. Печати члена городского совета Копенгагена Герлака Флора: 1 – до получения им дворянских прав (1449 г.); 2 – как вебнера (1453 г.)

Руноподобные знаки, снабженные латинскими инициалами, как и гербы, иногда могли представляться в качестве указателей на родственные связи. Этим можно объяснить присутствие на надгробной плите Эллины Сёренсдаттер Фог (ум. 1583), сохранившейся в кафедральном соборе Роскилле, щита с подобного рода знаком и инициалами "SF", которые, несомненно, указывали на имя и личное (или родовое) прозвище ее отца бюргера Сёрена Фога (Søren Fogh)[17]. С той же иконографией предстает в Роскиллеском соборе щит на надгробной плите сестры Эллины, Анны Сёренсдаттер Фог (ум. 1582)[18].

---

[13] По своему происхождению и первоначальному назначению руноподобные знаки, бывшие в употреблении у германских народов, в том числе датчан, вероятно, могут быть сопоставлены с русскими знаками Рюриковичей (литературу о них см.: *Молчанов А.А.* Знаки Рюриковичей: история изучения (Библиографический указатель) // Signum. M., 1999. N 1. С. 13–24).

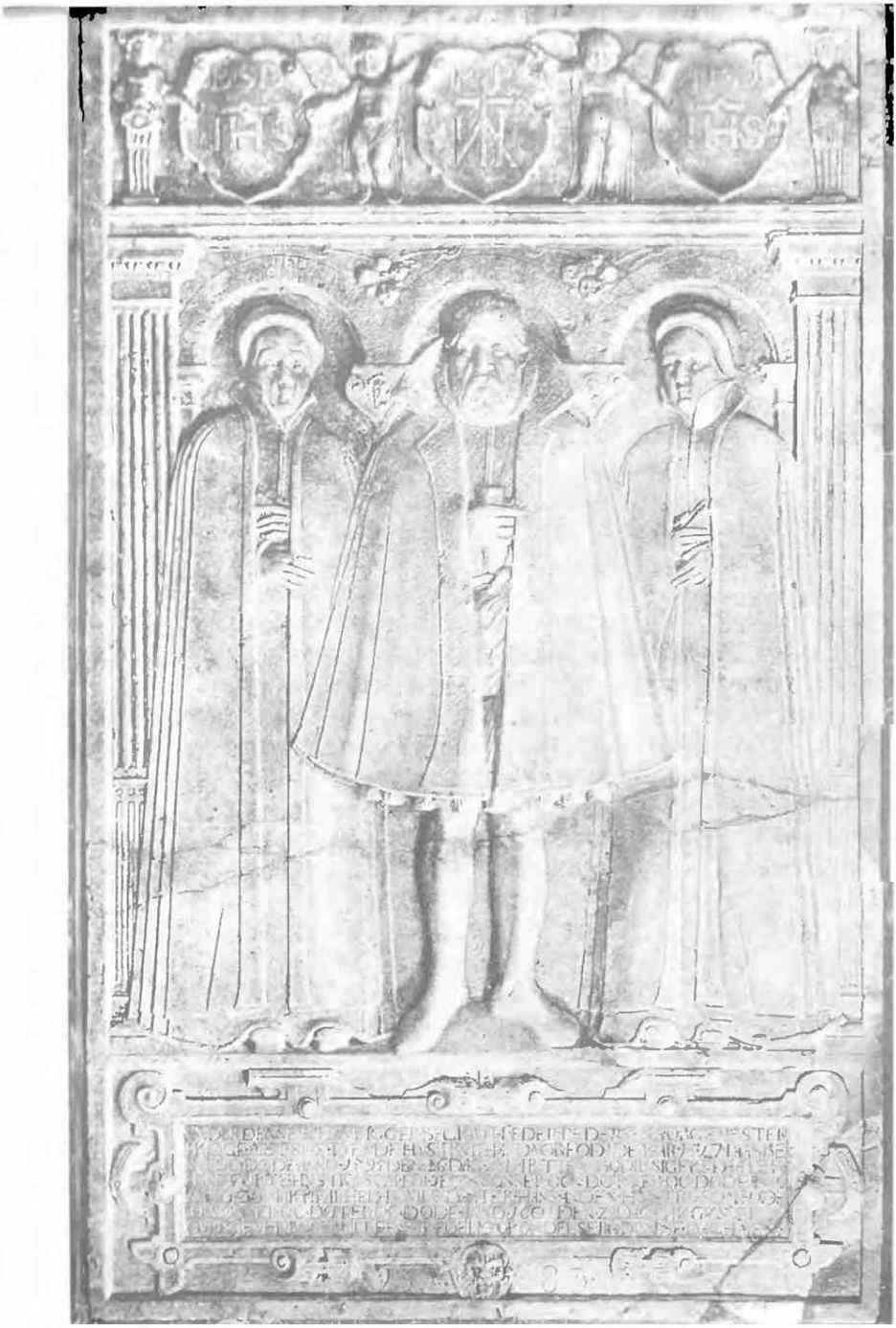
[14] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid: Studier over Værksteder og Kunstnere. Kbh., 1951. Planchebind. Tavle 104.

[15] Ibid. Tavle 109.

[16] *Hvorf E.* De sjællandske landsdommeres våbenskjolde i Sct. Bendts kirke i Ringsted // Herald. Tidsskr. 1975. N 32. S. 80.

[17] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Planchebind. Tavle 109.

[18] Ibid. Kbh., 1953. Bd. II. S. 291.



Илл. 63. Надгробие бургомистра города Кёге Педера Педерсена и его двух жен. Кёге, 1583 г.

Памятники датского искусства, датируемые XVI–XVII вв., свидетельствуют, что в первые столетия Нового времени знаки в виде инициалов или монограмм, составленные из латинских букв, получили широкое распространение в Дании. Их можно увидеть и в щитообразных рамках, подобно гербам, и над гербовыми щитами представителей аристократических родов. Однако в качестве дворянских гербов, подобно рунообразным знакам, они никогда не употреблялись. Исключение составляют только гербы графов Данneскьольд, потомков побочных сыновей датских королей XVII в., в которые по предписанию Кристиана V были внесены начальные буквы имен этих королей[19].

Знаки, сходные по своему внешнему виду с дворянскими гербами, встречаем преимущественно на печатях именитых горожан и, очень редко, бондов, живших в конце XIII – XV в. Приблизительно с того же времени, как свидетельствуют источники, такие знаки могли изображать на своих печатях или иных предметах также ремесленники. Следует при этом отметить, что эмблемы означенного разряда, по обыкновению, предстают в щитах. Это обстоятельство послужило одним из доводов в пользу утвердившегося в историографии предположения о ношении гербов представителями различных датских сословий еще в Средние века[20].

Но в правоте этого предположения можно усомниться хотя бы на том основании, что в Дании при даровании дворянских прав непременно производилось и пожалование эмблемы, которая называлась гербом, а также обозначалась выражением "щит и шлем". Если герб не являлся принадлежностью дворянского звания, тогда, спрашивается, зачем нужно было его жаловать одновременно с дарованием дворянских прав?

Кроме того, замечаем, что эмблемы на печатях, по своему характеру неотличимые от гербов, в конце XIII – XVI в. имели в основном именитые датские бюргеры, среди которых многие упоминаются в источниках в должности бургомистра и городского советника. И причину этому, вероятно, следует искать как раз в том, что эти именитые горожане принадлежали к дворянскому сословию. Действительно, источники содержат свидетельства, на основании которых можно сделать не только такое предположение, но и привести прямые доказательства, его подтверждающие. Для XIV в. примером может служить род Муле аф Фалькендале (Mule af Falkendale), представители которого обозначались в документах как "горожане" (*cives*) зеландского города Роскилле и неоднократно отправляли в этом городе должность бургомистра. Основатель этого "бюргерского" рода, вероятно, выходец из Германии, Гюнцелин, живя в Роскилле, упоминается и среди рыцарей (1308 г.)[21], и как горожанин (1309 г.)[22]. Его сын, Гюнцекин Гюнцелинсен (упом. 1329–1361), тоже, по обыкновению, называясь горожанином и занимая должность бургомистра, одновременно имел дворянское звание (*armiger*). На его печати обнаруживаем гербовый щит (илл. 64)[23]. Наконец, сын

---

[19] См. с. 362.

[20] *Verwohlt E.* Dansk våbenret // PHT. 1958. R. 13, bd. 6. N 78. S. 3–5.

[21] DD. 1948. R. 2, bd. 6. N 113 ("...domini Gyncelini militum").

[22] Ibid. N 198 ("...Gyncelinus ciuis Roskildensis").

[23] См.: *Ersler K.* Den senere Middelalder... S. 601.

Илл. 64. Печать горожанина Роскилле Гюнцекина Гюнцелинсена, 1356 г.

Гюнцекина, Гюнцелин Гюнцекинсен (ум. 1400), будучи горожанином, упоминается как "vir nobilis et honestus" ("муж благородный и почтенный")[24].

Еще больше примеров, свидетельствующих о принадлежности именитых датских бюргеров, носивших "геральдические" эмблемы, к дворянскому сословию, обнаруживаем в источниках XV–XVI вв. Так, например, уже известный нам горожанин Хельсингёра Педер Хансен (Лиллиефельд) и после причисления к дворянскому сословию продолжал оставаться жителем родного города, занимая в нем должность бургомистра (1481–1492). Городским советником в Хельсингёре (1499– 1521) был и его сын, Ханс Педерсен. Сыновей последнего, Педера и Йоргена, источники тоже знают под именем бюргеров, хотя они по-прежнему сохраняли принадлежность к дворянскому сословию и носили герб, пожалованный их деду[25]. Ту же картину наблюдаем и в отношении другого бюргерского рода из Хельсингёра – Росенвинге. Возведенный в дворянское достоинство Могенс Йенсен (1476 г.) и его прямые потомки, жившие в XVI в., продолжали сохранять свое положение именитых горожан Хельсингёра[26].

Известны и случаи, относящиеся к XV в., когда, наоборот, представители знатных дворянских родов, как, например, выше упоминавшийся Ивар Нильсен (Ланге) или Кнут Фриис (герб: три белки), занимавший должность городского советника в Оденсе (1496 г.)[27], становились бюргерами.

Все эти факты, касающиеся ношения в Средние века и в начале Нового времени датскими бюргерами гербов, на наш взгляд, свидетельствуют о явлении, характерном для общественного строя некоторых средневековых западноевропейских городов, а именно тех, в которых руководящую роль играли представители городского патрициата. Они могли принадлежать и к старым дворянским родам, подобно рыцарю Гюнцелину, Ивару Нильсену Ланге и Кнуту Фриису, и к получившим дворянские права по грамоте, подобно Лиллиефельдам и Росенвинге. Те же датские бюргеры, которые не были рыцарями или вебнерами, употребляли только руноподобные знаки, что подтверждается наличием таковых на их печатях.

Таким образом, приходим к заключению, что в Дании эпохи Средневековья и начала Нового времени бюргеры могли быть и дворянами, и недворянами, каковое деление, по всей видимости, и находило свое отражение в характере эмблем этих двух социальных слоев городских общин. Первые, входившие

[24] DAA. 1904. S. 315–317; *Lysdahl I.* Roskildeborgeres segl 1270–1450. S. 443–444.
[25] DAS II. F XV. 4, 9–11, 13.
[26] Ibid. F XXXIV. 1–7.
[27] Ibid. C XIII. 2–3.

в довольно узкий круг именитых горожан, в силу принадлежности к дворянскому сословию, носили гербы; вторые, составлявшие большинство, дворянских прав и соответственно гербов не имели, а потому изображали на своих печатях только рунообразные знаки, происходившие от знаков собственников.

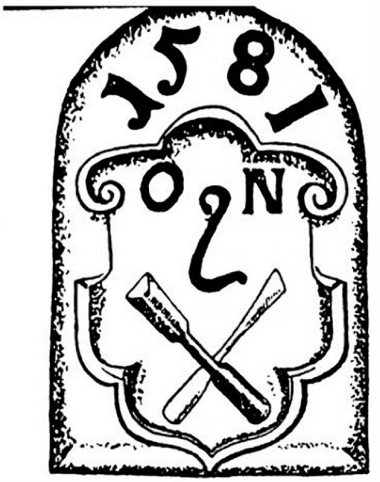
Свидетельство, иллюстрирующее тот факт, что в Дании на исходе Средних веков под гербом подразумевалась только та эмблема, которую носил представитель дворянского сословия, мы обнаруживаем у датского историографа Арильда Витфельдта (1546–1609). Он описал судебное дело между знатным дворянином рыцарем Хенриком Круммедиге и архиепископом Лундским Биргером Гуннерсеном (1497–1519), которое возникло в начале XVI столетия на почве внешнего сходства их щитовых эмблем. Так, на обвинение рыцаря Хенрика, заявившего, что архиепископ использует "дворянский и чужой герб" (*Adels oc it fremmit Vaaben*), будучи "сыном бонда" (*Bonde Søn*), Биргер ответил, что "это не какой-либо герб, но знак" (*det er icke noget Vaaben men it Mercke*). Кроме слова "mercke" Биргер Гуннерсен для наименования своей эмблемы использовал еще слово "tegn" (*Mercke oc Tegn*), которое тоже переводится на русский язык как "знак"[28].

Но если сын бонда Биргер Гуннерсен имел щит с эмблемой (цв. илл. 3), которая не являлась гербом, то можем предположить, что и щиты с такого рода эмблемами, которые обнаруживаются на печатях некоторых бондов, живших в XIV–XV вв., тоже не рассматривались в качестве гербов.

Те же два термина, "mærke" и "tegn", в XV–XVI вв. употреблялись и для обозначения знаков датских ремесленников, например, золотых дел мастеров, чему находим самое раннее свидетельство в королевском указе о регламентации деятельности мастеров области Сконе, который датируется временем правления Кристофера Баварского (1440–1448). В указе предписывалось: "каждый золотых дел мастер должен помечать свое изделие, которое он делает, своим *mercke*"[29]. Это положение затем было повторено в указах королей Ханса (1491 г.)[30] и Кристиана II (1515 г.)[31], в первом из которых использовано слово "mercke", а во втором – "tegen"

Что касается самих изображений, выступавших в роли эмблем ремесленников, то нельзя не заметить, что они обыкновенно намекали на род занятий их хозяев, т.е., в соответствии со средневековым миросозерцанием, имели наглядный характер. Например, житель острова Борнхольм по имени Рун Смит (Smed – Кузнец) в конце XIII в. использовал клеймо с изображением щита, в который заключены молот и клещи. На колоколе, отлитом в XIV в. для церкви св. Мартина в Нестведе, присутствует знак мастера: щит с изображением колокола между месяцем и семиконечной звездой. Предметы, указывающие на профессиональную деятельность, представляли на своих печатях бюргер из Роскилле Астер Скреддере (Skreddere – Портной) – ножницы (1478 г.) и бюргер из Оденсе, цирюльник и лекарь Бартоломеус Леге (Læge Врач) – бритву (1480 г.)[32]. Кроме того, с конца XVI в. знаки ремесленников

[28] *Huitfeldt A.* Bispekrøniken: Den Geistlige Histori offuer alt Danmarckis Rige. Kbh., 1604. S. 91–93.
[29] DRI 1397–1513. N 11 (§ 1).
[30] Ibid. N 41.
[31] DRI. 1513–1523. N 6, 8 (§ 1).
[32] *Verwohlt E.* Borgerlig Heraldik i dansk Middelalder // Herald. Tidsskr. 1961. N 3. S. 95–104.



Илл. 65. Знак Олуфа Пильсена Крога, Свогерслевская церковь, 1581 г.

могли изображаться в сопровождении инициалов их владельцев. Примером служит знак каменных дел мастера Олуфа Пильсена Крога (1581 г.), изображение которого сохранилось в церкви Свогерслева (Svogerslev)[33] (илл. 65). По тому же принципу, что и эмблемы ремесленников, в конце Средних веков и в Новое время создавались эмблемы датских ремесленных цехов.

Слово "tegn" присутствует также в "Городском уложении", составленном при Кристиане II (1522 г.), в качестве термина для эмблем, которые должны были изображаться перед постоялыми дворами: "...каждый постоялый двор в городе должен вывешивать знак, нарисованный на доске, вне этого дома, довольно высоко на длинной жерди; где-то должен быть нарисован лев, где-то олень, где-то мавр, где-то гриф, луна, звезда или другое подобное, и, таким образом, у каждого постоялого двора свой знак, по которому постоялый двор и должен впредь называться, и имя каждого хозяина должно быть обозначено под помянутым знаком на той же доске"[34].

В XVI–XVIII вв. подобного рода эмблемы вывешивались также на других частных городских домах, дабы, при отсутствии у них нумерации, которая стала вводиться в Дании лишь с конца XVIII в., можно было легко их найти. Эти эмблемы хозяева домов использовали нередко на своих печатях и по ним же могли создавать себе прозвища, превращавшиеся со временем в родовые фамилии[35].

По терминологические различия, дававшие о себе знать еще на исходе Средних веков при наименовании гербов и эмблем, по виду напоминавших гербы, все же мало-помалу начинали стираться. Внешнее сходство некоторых эмблем недворян с дворянскими гербами, вероятно, этому немало способствовало. Так, замечаем, что знатный дворянин А. Витфельдт в своей хронике, написанной в конце XVI в., уподобляет эмблему архиепископа Биргера Гуннерсена гербу, хотя сам этот прелат, как мы видели, таковым ее не считал. Основанием для этого уподобления, надо полагать, послужило то, что эмблема архиепископа внешне напоминала дворянский герб. Действительно, на его печатях обнаруживаем композицию из щита и шлема[36] (цв. илл. 3).

[33] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Bd. II. S. 113.

[34] "...och schall huert herberge vti staden lade wdhenge eth tegn malit paa en fiell wden for samme hus, well høgt paa en lang stang; somme schulle haffue en løufue malit, somme en morian, en griib, en monne, en stierne eller sligt andit, och saa huert herberge syt tegn, thereffter som herbergit schall hide och kaldis, och schall huer werdis nafn vere tegnit vnder forschrefne tegn paa samme fiel" (DRL 1513–1523. N 12, § 104–106).

[35] *Verwohlt E.* Borgerlig Heraldik. S. 102–104.

[36] DGS. Tavle III. N 32–33. Те же щит и шлем присутствовали на печати Биргера Гуннерсена, которую он употреблял в 1490 г., еще до вступления на архиепископскую кафедру, в бытность канцлером королевы Доротеи Бранденбургской (Ibid. Tavle LX. N 1019).

На исходе Средневековья подобную композицию могли использовать и датские бюргеры. От XV в. на стене церкви св. Петра Нестведского монастыря сохранилась фреска, которая передает щит, заключающий рунообразный знак и шестиконечную звезду, с рыцарским шлемом, покрытым намётом. Судя по надписи, которой сопровождается изображение, эти щит и шлем принадлежали Карлу Маттессону, упоминаемому в документах первой половины XV в. среди горожан Нествед[37].

Сами короли Дании могли способствовать тому, чтобы лица, не принадлежавшие к дворянскому сословию, представлялись с рыцарским щитом и шлемом. Сохранилась грамота короля Кристофера III, датируемая 1444 г., из которой следует, что этот датский государь пожаловал бургомистру немецкого города Кольберга по имени Ганс Шлиф, его брату и их потомкам эмблему под названием "Wappen", в описании представлявшую на щите и шлеме (*Schildt und Helm*). Поскольку в тексте документа ничего не сказано о дворянских правах, можно догадываться, что в данном случае речь шла о гербе не как о дворянском атрибуте, а лишь как о знаке отличия, дарованном королем Дании. Причиной же такой милости (*Gnade*) со стороны короля Кристофера, по сообщению грамоты, явилась верная служба ему братьев Шлиф (*Ihren getrewen von ihrer Dienste... zu beweisen*)[38].

В немецкой грамоте другого датского короля, Ханса, составленной в 1488 г., говорится о "Wapen, Schildt vnde Helm", которые были пожалованы жителю Южной Ютландии по имени Йес Томмсен и его наследникам (цв. илл. 29). И в этой грамоте отсутствует упоминание о дворянских правах, а королевская милость обосновывается верной службой (*truwe Denste*) Йеса[39].

Впрочем, обе вышеупомянутые гербовые грамоты были выданы лицам, проживавшим за пределами собственно королевства Дании – в немецком городе Кольберг и герцогстве Шлезвигском, в котором общественная жизнь с давних пор протекала под сильным влиянием немецкой культуры. Сам язык этих грамот свидетельствует о том, что они предназначались для чтения в немецкой среде, к которой и принадлежали их получатели. В то же время следует иметь в виду, что для культуры Германии позднего Средневековья был характерен обычай, когда императоры в знак особой милости посредством грамот производили пожалования гербов недворянам без возведения их в дворянское достоинство. Причем все эти гербы по своим внешним свойствам ничем не отличались от дворянских гербов. Иначе говоря, в Германии бюргерский герб возник в подражание гербу дворянскому, переняв от последнего значение отличительного лично-родового знака в виде художественного образа, который характеризовал эмблему под названием "герб". Из этого можно заключить, что короли Кристофер и Ханс, награждая недворян за верную службу гербами, лишь следовали обычаю немецкой культуры.

Что же касается того, чтобы подданный датской короны получал от своего государя лично-родовой герб вне связи с пожалованием ему дворянских

---

[37] *Verwohlt E.* Borgerlig Heraldik... S. 100.

[38] *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik (Wappenwesen, Wappenkunst und Wappenwissenschaft). Nürnberg, 1885–1889. Anhang. Urkunden. N 64.

[39] Цит. по: *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel, særlig med Hensyn til Kong Christian V's Adels- og Vaabenbreve // HT. 1899. R. 7, bd. 2. S. 317–318.

права, что такие трактаты для XV–XVII вв. неизвестны. Но это еще не означает, что у датских бюргеров не могло не возникнуть желание в подражание дворянам, а равно и немецким бюргерам, представлять свои эмблемы в виде композиции из рыцарского щита и шлема. "Герб" Карла Маттессона, изображенный в церкви Нестведского монастыря, – тому подтверждение. Правда, в XV – первой половине XVII в. эмблемы недворян, включавшие щит и шлем, в Дании представляли собой явление весьма редкое, и только после 1650 г. число таких эмблем начинает быстро возрастать. Известно, например, что в 1655 г. семнадцать именитых копенгагенских бюргеров, о принадлежности которых к дворянскому сословию ничего не известно, имели печати, на которых щиты с личными знаками были изображены наподобие дворянских гербов – вместе с рыцарскими шлемами[40].

Шлем, украшенный знаком и наметом, обнаруживаем также над щитом, в котором вместо герба представлены инициалы лица, а именно Кристена Стеенсена, ранее упоминавшегося земского судьи Зеландии (1662–1665). При жизни он не имел ни дворянского звания, ни герба. Упомянутая же эмблема была измышлена уже после смерти Кристена Стеенсена, в конце XVII в., когда создавалась галерея изображений гербов земских судей Зеландии в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря. По своим внешним признакам – форме щита и характеристикам шлема – она ничем не отличалась от находившихся рядом с ней гербов других зеландских судей, происходивших из дворянских родов, например, герба аристократа Олуфа Брокенхуса, который занимал должность судьи в 1665–1668 гг.[41], сразу после Кристена Стеенсена (илл. 66). Следовательно, можно утверждать, что в данном случае эмблема недворянина была уподоблена дворянским гербам. И сделано это было, вероятно, по той причине, что Кристен Стеенсен занимал должность, которая в конце XVII столетия давала королевским служащим неблагородного происхождения права, равные дворянским, согласно указу 1679 г.

Уподоблению эмблем простолюдинов дворянским гербам могло способствовать и то обстоятельство, что со времени позднего Средневековья герб постепенно терял свое изначальное значение – эмблемы дворянина-воина. В эту эпоху дворянские права и титулы стали жаловаться европейскими государями, датскими королями в частности, не только за воинские деяния, но и за иные заслуги или услуги. В Дании большинство лиц, получавших дворянские права и гербы, происходило из бюргерской среды. Это было обусловлено в первую очередь ростом в Датском королевстве XV–XVII вв. экономического и, как следствие, общественного значения этого сословия – явление, характерное и для других стран Западной Европы той эпохи. Вместе с тем происходили перемены в умонастроении именитых бюргеров, выражавшиеся в их стремлении к обретению прав, равных дворянским. На датской почве оно стало особенно заметно во второй четверти – середине XVII в. и проявлялось, прежде всего, в стремлении руководящих слоев городских общин добиться от верховной власти прав на приобретение и владение дворянскими землями. Одновременно усиливалось влияние бюргеров в столичной и

[40] Ibid. S. 312.
[41] *Hvorl E.* De sjællandske landsdommere. – åbenskjolde. S. 80.

Илл. 66. Гербы земских судей Зеландии Кристена Стеенсена и Олуфа Брокенхуса: вторая половина XVII в.

местной администрации. Выходцы из городских слоев, находившиеся на службе короля, – "служащие из бюргерского сословия" (*betjente af den borgerlige stand*), все настойчивее высказывались за уравнение своего юридического статуса с правовым положением дворян. Войны со Швецией середины XVII в. показали также, что датские горожане являлись той силой, которая составляла главную опору короля в деле обеспечения обороны государства. Все это подготавливало почву для роста политического значения датского городского сословия, что вскоре и нашло отражение в той важной роли, которую бюргерство сыграло в событиях 1660 г., увенчавшихся падением политического могущества датской аристократии в лице Государственного совета и установлением королевского единовластия, или абсолютизма. Поддержка, оказанная тогда городскими общинами королю Фредерику III, обусловливалась тем, что в новом государственном строе верхи бюргерского сословия усматривали необходимое условие для повышения своего общественно-правового статуса[42].

Но в XV–XVII вв. именитые горожане Дании, подобно бюргерам других стран Западной Европы, ратовали еще не столько за уничтожение дворянских привилегий, сколько за то, чтобы самим приобрести эти привилегии. Отсюда проистекало стремление богатых и влиятельных бюргеров, в том числе находившихся на королевской службе, к получению дворянских прав. Сами эти права, однако, обязывали соответствовать тому образу, который по ходу истории характеризовал дворянина в культурном отношении. Помимо условностей поведения и свойств внешнего вида со времени высокого Средневековья такой образ предполагал наличие герба, что, как мы уже знаем, и обнаруживалось в дворянских грамотах, которые получали датские

[42] См.: *Fridericia J.A.* Adelsvældens sidste Dage: Danmarks Historie fra Christian IV's Død til Enevældens Indførelse (1648–1660). Kbh., 1894; *Ladewig Petersen E.* Fra standssamfund til rangssamfund 1500–1700. Kbh., 1980 (Dansk social historie. Bd. 3).

[illegible] стремление к общественно правовому идеалу, к которому душевно был предрасположен выходец из городского сословия, не могло не сопровождаться желанием уподобиться культурно, через внешние признаки самим носителям идеала – дворянам. Именно в этом душевном настроении бюргеров, вероятно, и нужно искать главное объяснение тому, что некоторые наиболее именитые из них в подражание дворянам с позднего Средневековья заключали свои личные знаки в рыцарские щиты и, особенно с середины XVII в., дополняли такие щиты рыцарскими шлемами.

В свою очередь датская родовая знать, в среде которой на исходе Средних веков возобладало стремление, подогреваемое представлениями о чистоте дворянской крови, к сословной замкнутости, при первых королях из Ольденбургского дома стала решительно выступать за то, чтобы ограничить бюргерам доступ в дворянскую сословную среду. В конце концов, воспользовавшись своим политическим могуществом, вельможи смогли добиться того, что в хондфестнинг 1513 г.[43], который король Кристиан II скрепил своей печатью перед вступлением на престол, была внесена статья, по которой дворянские права в дальнейшем должны были даваться единственно за достойное поведение "на поле боя" (*poæ marken*). Мало того, для получения звания дворянина требовалось еще согласие Государственного совета, состоявшего из представителей аристократических родов. Это положение королевского хондфестнинга 1513 г. в целом оставалось в силе вплоть до середины XVII в. и, несомненно, повлияло на сокращение числа пожалований дворянских прав, о чем свидетельствуют реестры документов королевской канцелярии, малочисленность уцелевших дворянских грамот и редкие упоминания о таких фактах в других источниках. И только после 1660 г., когда старая родовая аристократия перестала делить политическую власть с королем, обретшим положение абсолютного монарха, количество дворянских дипломов заметно возросло.

Этому росту числа новых дворян способствовало и то, что должностные лица короля, не имевшие дворянского происхождения, согласно привилегиям, которые они получили 1679 г., были приравнены по своим правам к дворянам. Отныне "королевские служащие из бюргерского сословия" обладали дворянскими "вольностями" уже в силу того обстоятельства, что получали чин, предусмотренный табелью о рангах, которая была введена в 1671 г. указом короля Кристиана V[44]. В тех же привилегиях 1679 г. эмблема чиновника, не имевшего дворянских предков, впервые официально признана "гербом" (*vaaben*). Очевидно, что такое имя эмблеме служащего из бюргерского сословия было дано по той причине, что ее владелец приравнивался в правовом отношении к дворянину. И замечательно, что своим внешним видом эмблемы чиновников бюргерского происхождения, названные гербами, к тому времени ничем не отличались от дворянских гербов. Отсюда делаем

[43] DRL 1513–1523. N 1 (§ 28). Хондфестнинг (*håndfæstning*) – законодательный акт, заключавший положения, которые король обязывался соблюдать в период своего правления. Хондфестнинги издавались в Дании с 1282 по 1648 г., с 1320 г. обычно перед избранием нового короля (См.: *Matzen H.* Dansk Kongers Haandfæstninger. Kbh., 1889).

[44] *Bartholdy N.G.* Adelsbegrebet under den ældre enevælde: Sammenhængen med privilegier og rang i tiden 1660–1730 // HT. 1971. R. 12. bd. 5. S. 592–595.

вывод, что привилегии 1679 г. явились благоприятным ответом на то душев но-духовное настроение именитых и чиновных представителей бюргерского сословия, которое они выражали символически посредством своих эмблем, по художественно-иконографическим свойствам подобных дворянским гер бам. Таким образом, эмблема бюргера, которая прежде выставлялась в ка честве символа его общественно-правового идеала – сословного статуса дво рянина, с достижением желанного идеала получила имя эмблемы, которая считалась символом дворянского статуса. При этом последний символ про должал сохранять свое значение, что и было законодательно подтверждено в "Датском уложении", изданном в 1683 г. Здесь обладателями дворянских привилегий признаются не только те лица, которые для себя, своих закон ных детей и потомства получили право "на дворянский щит и шлем", но так же те особы, которые "выполняют какое-либо поручение в ранге"[45].

Что же касается знаков, принадлежавших датским бюргерам, которые не имели дворянских прав по рождению и должности на королевской служ бе, то они и в конце XVII в., и в следующем столетии официально гербами по прежнему не назывались. Свидетельство тому обнаруживаем в альбоме, начало которому положил бургомистр города Раннерса Нильс Якобсен (1550–1624). В этой рукописи, помимо записок самого бургомистра, содер жится еще и заметки, сделанные его потомками, жившими в XVIII столетии Авторы этих заметок, Иохум Поульсен (1681–1756) и Йенс Поульсен (1713–1784), среди прочего не преминули отметить, не вдаваясь при этом в объяснения, что Нильс Якобсен употреблял "boemerke", согласно описанию, напоминавшую герб: "три стропила острием вниз" (*tre sparrer med spidsen ned ad*). В то же время эмблему жены Нильса, Маргреты (ум. 1595), они обозна чили словом "vaaben"[46].

Такое терминологическое различие в обозначении этих двух эмблем, на до полагать, основывалось на представлениях, которые господствовали у людей XVIII столетия в отношении дворянских и бюргерских эмблем. Как и в более ранние времена, в это столетие под гербом подразумевалась эмбле ма дворянина. Поэтому, зная о том, что Нильс Якобсен – и это подтвержда ется документами XVI–XVII вв. – не принадлежал к дворянскому сословию, его потомки обозначили эмблему Нильса словом "boemerke", которое по обыкновению прилагалось к знакам недворян. Но о супруге Нильса Якобсе на им было, напротив, известно, что она происходила из дворянской среды. Действительно, ее родителями, о чем имеются доподлинные свидетельства, были дворяне Кристофер Лауридсен из рода Удсен (ум. 1580) и Маргрета Ве стени (ум. 1576)[47].

---

[45] "Adelen, som ere de alene, som for dem, deres ægte Børn og Afkom til Adelig Skiold og Hielm ere berettigede... betjene nogen Bestilling i Rangen" (Цит. по: *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel.. S. 323–324).

[46] "В той же церкви на исповедальном стуле изображены его знак и ее герб" (*Udj samme kir cke er hands boemerke og hendes vaaben paa skriffte stolen afmalet*); "старый серебряный кубок, на котором находится год 1594 и знак Нильса Якобсена, а также герб его супруги госпожи Маргреты Удсен" (*gamle sølf skaale, hvorpaa findes aarstal* 1594 *og Niels Jacobsons boemerke*). *sambt hans hustruens frue Margrethe Udsøns vaaben*) (Borgmester Niels Jacobsens stambog / Udg. ved A. Fabritius. Kbh., 1966. S. 26–27).

[47] Ibid. S. 42.

тил, что под этим словом, по обыкновению, подразумеваются предметы оружия, среди которых щит и шлем. Когда же оно употребляется "специально" (*specialiter*), им обозначается "дворянский герб, щит и шлем" (*adelige vaaben, skiold og hielm*)[48].

Очевидно, что датский писатель первой половины XVIII в., сам по рождению не принадлежавший к дворянскому сословию и лишь впоследствии получивший дворянство и титул барона, подразумевает под гербом такую эмблему, которую носят именно дворяне.

Но уже приближалась новая эпоха в жизни европейских народов, которая, начавшись в конце XVIII в., ознаменовалась решительными общественно-политическими преобразованиями, важнейшим итогом которых явилось падение самодержавно-монархической формы правления и уравнение в правах сословий. Проведены были эти преобразования и на датской почве. С провозглашением Дании конституционной монархией в 1849 г. в стране были отменены дворянские привилегии, тогда же прекратилась и выдача патентов на дворянское звание. С уравнением в правах дворян и их потомков с лицами недворянского происхождения, в первую очередь бюргерами, создались благоприятные условия для окончательного отождествления дворянских гербов с эмблемами или знаками представителей бывших непривилегированных сословий. И действительно, с этого времени термин "vaaben" все чаще начинает использоваться для обозначения эмблем (но отнюдь не руноподобных знаков) лиц, чей род не имел дворянских корней. При этом важно отметить, что, получив полное признание в качестве гербов, эти эмблемы сохранили и тот художественный образ, который характеризовал дворянские гербы. Этот образ представлял собой щит, обычно приведенный в связь с рыцарским шлемом. Такой же внешний вид придавался вновь создававшимся гербам бюргеров. С начала XX в. используется и выражение "бюргерская геральдика" (*borgerlig heraldik*) для наименования отрасли датской геральдики, призванной заниматься изучением гербов и знаков недворян или недворянских родов.

Государственный герб

Если обратиться к средневековым гербовникам, то можно заметить, что изображенные в них гербовые эмблемы, ныне известные как гербы государств или стран, сопровождаются, по обыкновению, текстом, который состоит из личных имен (или чаще без них) и титулов (с указанием названия страны) государей. И в литературных памятниках Средневековья, в том числе в трактатах о гербах, как правило, гербы представляются принадлежностью их носителей, обозначенных конкретным именем или титулом. Стало быть, эмблемы, получившие впоследствии значение символов государств

[18] *Holberg L.* Om Danmarks og Norges Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Vaaben Beskrivelse. Kbh., 1729. S. 617.

или стран, поначалу воспринимались как личные и наследственные гербы государей – королей или князей.

Сами корни такого восприятия, несомненно, следует искать в характере средневекового мировоззрения. В высокое Средневековье, когда зародились гербы, в силу господства религиозно-символического умозрения, склонного к представлению сверхчувственных понятий через конкретные вещи дольнего мира, государство не осознавалось самостоятельным явлением. Действительно, тогда королевство (государство) еще мыслилось как сумма прав короля (государя), которыми он мог пользоваться в отношении подвластных народа и земли (страны). Следовательно, оно еще не могло восприниматься как индивидуальность, обладающая отдельными от короля правами. Не имея же самобытного конкретно-вещного выражения, чувственно-зрительного образа и правового статуса, королевство могло представляться только символами, которыми обозначался король. В свою очередь в Средние века различались понятия "королевство" и "земля". Королевство, сущность которого характеризовалась категориями универсально-типическими, находилось в земле с конкретным именем. Отсюда в латинской словесности название страны при слове "королевство" всегда писалось в родительном падеже: regnum Daciae (Angliae, Franciae).

Сами духовные истоки и обстоятельства происхождения гербов в качестве личных эмблем служат достаточным доказательством того, что понятие "королевского герба" было первичным по отношению к понятию "герба королевства". Примером тому служит история гербов королей Швеции XIII–XIV вв. Первый, доподлинно известный герб шведских государей заключал в себе знаки трех львов. Его носили Эрик XI Эрикссон (1222–1250) и Вальдемар Биргерссон (1250–1275). После низложения Вальдемара его брат, новый король Магнус Биргерссон (а вслед за ним и его потомки – короли Швеции из династии Фолькунгов) в качестве королевского символа использовал герб, который принадлежал ему еще до вступления на престол: восстающий лев на фоне трех скошенных балок и многочисленных сердец. В свою очередь после свержения со шведского престола династии Фолькунгов (1364 г.) представитель другой династии, Альбрехт Мекленбургский, стал носить новый герб короля Швеции – три короны, за которым с той поры и удерживалось значение символа Шведского королевства[49].

Впрочем, история изменения гербов королей Швеции, свидетельствуя о гербе государя как об источнике происхождения государственного герба на западноевропейской почве, для XIII–XIV вв. являет собой редкий случай. В других странах в указанные столетия гербы королей, по обыкновению, наследовались вместе с королевским званием. Это вело к тому, что жители того или иного королевства привыкали видеть в качестве символа своих королей одну и ту же эмблему, а через это мало-помалу начинали воспринимать ее как символ вообще носителя королевского звания своей страны. То, что личная королевская эмблема со временем обрела характер именно символа вообще носителя королевского титула страны, подтверждается тем фактом, что в XIII–XIV вв., как правило, даже представитель другого королевского или княжеского дома, принимая титул короля, наследовал и герб своего

[49] См. с. 270–271.

предшественника на королевском престоле. Вместе с тем, поскольку понятие "королевства" было неотделимо от понятия "короля" создавались душевно-духовные условия для развития представлений о символе короля как символе его королевства.

Из сказанного, таким образом, заключаем, что понятие "герб королевства" поначалу не могло существовать в отрыве от понятия "герб короля" и что самостоятельное значение первое понятие могло приобрести только на почве превращения королевства в самобытную индивидуальность, обладающую несводимым к личности короля юридическим статусом.

Такое самостоятельное положение западноевропейское государство (королевство) постепенно начинает обретать только в XIII–XV вв., с начатками абстрагирования понятия "королевства" от личности короля, с упрочением сословного строя и вызреванием идеи сословной "общины королевства", противопоставлявшей себя королю. Отсюда создавались условия для развития сословно-представительных учреждений, а вместе с тем, посредством установления договорных отношений короля и представителей "общины королевства", начинало оформляться особое право этой "общины" как юридического "лица". В результате мало-помалу в позднее средневековье на основе прав "короны", которая символизировала словом и образом короля и королевство, и "общины королевства" утверждается идея общего права "королевства", вследствие чего появляется необходимое условие и для развития мысли о гербе как государственном символе. Но на западноевропейской почве эта мысль смогла укорениться только с падением средневекового миросозерцания, в Новое время, когда с развитием отвлеченно-политических идей понятие "королевства" окончательно стало трактоваться абстрагировано не только от понятий "короны" и "общины королевства" Самое же отвлеченное понимание государства создавало почву и для отождествления его с землей (страной), в которой оно находилось.

Обращаясь теперь к истории развития идеи герба Датского государства и Дании, следует отметить, что в XIII–XIV вв. у датчан утвердился обычай использовать выражение "королевство Дании" отдельно от личности короля. Особенно заметно это было в периоды частых междуцарствий XIV в. Даже при физическом отсутствии короля "королевство Дании" мыслилось существующим, однако, как и при наличии особы короля, в качестве суммы королевских прав. Вместе с тем в Датском королевстве к концу XIII в. оформился сословный строй, а в XIV столетии вызрела идея сословной "общины королевства Дании" (*communitas regni Dacie*), представителями которой перед лицом короля и "короны" выступали епископы, герцоги Ютландские, рыцари и вебнеры. Эти знатные особы сначала собирались на больших собраниях "двора" (*hof, danehof*; лат. *parlamentum danorum*), а затем на заседаниях узкого аристократического Государственного совета (*rikes rade, rigsråd*; лат. *consilium regni*). Вступая в договорные отношения с королем, что, например, явствует из текста "Земского мира" 1360 г.[50], эти представители "общины

[50] См.: *Антонов В.А.* "Земский мир" 1360 г. и политическая жизнь Дании в правление короля Вальдемара IV Аттердага (1340–1375) // Северная Европа: Проблемы истории. М., 1995. С. 34–54; *Он же* Политическое значение ригсрода Дании в правление короля Вальдемара Аттердага (1340–1375) // Там же. М., 1998. С. 31–45.

королевства Дании" свидетельствовали о развитии у датчан мысли о самостоятельном, отдельном от короля и "короны", юридическом существовании упомянутой "общины". Тем самым закладывались основы и для возникновения идеи об общем праве короля и его подданных, откуда лежал путь к отвлеченно-юридическому статусу Датского государства, что характеризовало индивидуальность этого государства.

Илл. 67. Печать королевства Дании, 1388 г.

Знаем также, что история королевского престола Дании последней четверти XIV и первой половины XV в. дает нам яркий пример усвоения за гербом представителей угасшей династии значения герба вообще носителя титула короля Дании. Действительно, в этот отрезок времени датский престол занимали отпрыски различных династий: Норвежской, Померанской, Баварской (Виттельсбахи) и Ольденбургской, а также объявлялся один претендент из Мекленбургского дома, и все они, принимая звание короля Дании, брали герб, который с конца XII в. носили короли из старой датской династии Эстридсенов, пресекшейся в 1375 г.

Вместе с тем должны были утвердиться и представления о гербе королей Дании как символе их королевства, о чем находим косвенные свидетельства в данных сфрагистических и нумизматических источников. Так, на печати 1388 г., которая была в употреблении в судах Датского королевства в начале междуцарствия (1387–1396), наступившего вслед за смертью короля Олафа Норвежского (1376–1387), в сопровождении легенды "печать королевства Дании для судебных дел", была изображена корона поверх креста[51] (илл. 67).

После избрания нового короля, Эрика Померанского (1396 г.), была изготовлена другая печать. Она заключает легенду "печать Эрика, Божией милостью короля Датчан для судебных дел" и крест, обремененный щитом с тремя львами[52] (илл. 68).

Такую смену иконографии на печати, предназначенной для скрепления приговоров одного и того же суда, можно объяснить тем обстоятельством, что эмблема с тремя львами, которая символизировала датского короля, не могла быть употребляема в период междуцарствия, при физическом отсутствии в Дании короля. Но мы знаем, что и при короле Олафе на его печати "ad causas" изображалась только корона[53], которая символизировала как короля, так и неотделимое от него королевство. Следовательно, щит с тремя львами на печати "ad causas" короля Эрика представлялся со значением не только королевской эмблемы, но и символа королевства.

[51] "SIGILLUM REGNI DACIE AD CAUSAS" (DKS. N 54).
[52] "SIGILLUM ERICI DEI GRACIA REGIS DANORUM AD CAUSAS" (Ibid. N 63).
[53] Ibid. N 46.

Илл. 68. Печать короля Эрика Померанского, 1396 г.

Но даже если королевская эмблема в начале царствования короля Эрика еще не воспринималась в качестве собственно символа королевства Дании, на что указывает присутствие в легенде печати 1396 г. имени не "королевства", а "короля" то она могла приобрести значение такого символа к концу правления Эрика. Этому могло способствовать, между прочим, то обстоятельство, что к тому времени датчане привыкли видеть герб короля на печати "ad causas", поскольку она находилась в употреблении довольно долго, вплоть до 1436 г.

Во всяком случае, спустя двенадцать лет является первое свидетельство, позволяющее вполне определенно утверждать, что герб короля Дании к тому времени уже стал осознаваться и в качестве символа Датского королевства, даже в отсутствие особы короля. На скиллинге, выпущенном в обращение в 1448 г., в период девятимесячного междуцарствия, длившегося от момента смерти короля Кристофера Баварского и до избрания на датский престол Кристиана Ольденбургского, при легенде "монета королевства Дании", был изображен щит с тремя львами[54]. Точно такая же иконография присутствует на другом скиллинге, чеканенном несколько ранее, в годы царствования Кристофера Баварского (1440–1448). Но на этой монете представлена другая легенда: "Кристофер Божией милостью король Дании"[55]. Очевидно, что в первом случае щит с тремя львами символизировал не короля Дании, а Датское королевство, что и подтверждается выражением "монета королевства Дании"

В период следующего междуцарствия, последовавшего в 1533 г., Государственный совет, у которого тогда находилась верховная власть, выпустил скиллинг с легендой "SENATVS REGNI DANIE", т.е. "Государственный совет королевства Дании", и с эмблемой в виде щита с тремя львами[56], как, несомненно, символом Датского королевства.

Таким образом, можно заключить, что в период с конца XIV и по начало XVI в. на датской почве укоренилась традиция рассматривать одну и ту же эмблему в качестве символа и носителя королевского звания и королевства Дании. В царствование короля Олафа и в период последовавшего затем междуцарствия 1387–1396 гг. три льва, по-видимому, еще символизировали не столько королевство Дании, сколько короля Дании. Но несколько позже, вероятно, при Эрике Померанском, зародилась идея использования этой эмблемы как символа Датского королевства, которая затем мало-помалу утвердилась в общественном сознании.

[54] "MONETA REGNI DACIE" (*Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976. S. 52. Fig. 80).
[55] "CRISTOFER D(EI) G(RACIA) REX DACIE" (Ibid. S. 52. Fig. 78).
[56] Ibid. S. 60. Fig. 94.

Вместе с тем в позднее Средневековье в Западной Европе, как о том свидетельствует, например, выражение "старый герб Швеции" в нидерландских гербовниках конца XIV – XV в.[57], вошло в обыкновение символизировать королевскими гербами не только королевства, но и те земли (страны), в которых эти королевства находились. Произошло это на почве отождествления земель с королевствами, о чем свидетельствует выражение "эти три королевства Дания, Швеция и Норвегия" (*thisse thry koningvrike Danmarc, Suerike oc Norghe*) в грамоте, содержащей положения о Кальмарской унии (1397 г.)[58]. И поскольку к тому времени герб короля уже символизировал королевство, этот герб стал символом и земли.

И хотя датские письменные источники позднего Средневековья не содержат упоминаний выражения "герб Дании", можно догадываться, что на исходе той эпохи оно использовалось датчанами в просторечии. Во всяком случае, во второй половине XVI в. уже существовала традиция представлять герб короля Дании как герб датский или Дании. Это, например, подтверждается документами, в которых содержатся условия датско-шведских соглашений, заключенных в Роскилле (1568 г.) и Штеттине (1570 г.). В Роскиллеских соглашениях говорится о "датском и норвежском гербе" (*danske och norske vaaben*)[58], а в Штеттинском договоре, составленном на немецком языке, речь идет о "гербе" (*wappen*) "три короны" (*die drey cronen*), который признается не только эмблемой королевства Швеции, но и общим символом всех трех скандинавских государств – Дании, Швеции и Норвегии[59]. В то же время, как свидетельствует Р. Реравиус (1576 г.), под "гербом Дании" (*Danmarks Vaaben*), который изображался на платье королевских герольдов, подразумевался и составной герб короля[60].

Однако после XVI в. еще долго не делалось различий между гербом короля Дании и гербом Датского королевства, или Дании. И собственно герб Дании (три льва и сердца), и составной герб ее короля, в котором были представлены символы других государств и земель, продолжали символизировать одновременно государя и государство, которое отождествлялось с Данией как землей (страной). Так, например, Х. Якобеус (1696 г.) в описании датских монет обозначал изображенные на них составные гербы королей Дании выражением "Daniae insignia" или "Insignia Daniae plena"[61].

Такому положению дел способствовал во многом и режим абсолютной королевской власти (1660–1848), при котором Датское государство не имело отличного от короля юридического лица. И только после государственных реформ (1848–1849 гг.), с установлением конституционно-ограниченной монархии в Дании окончательно складываются общественно-политические и юридические условия для закрепления за гербом носителя датского королев

[57] Имеются в виду гербовники Гельдернский и Бергсхаммарский (см. с. 266).

[58] DRL. 1397–1513. N 2.

[59] DNT. N 10.

[60] "...aber die drey cronen nicht vor des konigreichs Schweden eigen, sondern vor aller dreyer reiche, Dennemarck, Schweden und Norwegen, gemeins wappen" (Ibid. N 13 A).

[61] *Jacobaeus Oligero.* Museum Regium seu Catalogus Rerum tam naturalium, quam artificialium, quae in basicila bibliotecae augustissimi Daniae Norvegiaeqve monarchae Christiani Qvinti Hafniae asservantur. Hafniae, 1696. P. 70, 72.

ского титула значения герба Дании. Вместе с тем, постепенно в общественном сознании утвердилась мысль, что Данию символизируют два герба большой и малый. В конце XIX и XX столетии в качестве "Большого государственного герба" (*Det store rigsvåben*) рассматривался составной королевский герб, тогда как "Малым государственным гербом" (*Det lille rigsvåben*) считалась эмблема собственно Датского королевства или Дании. В настоящее время термины "Большой" и "Малый государственный герб" выходят из употребления, заменяясь терминами соответственно "Королевский герб" (*Det kongelige våben, Kongevåben*) и "Государственный герб" (*Statsvåben*). Термин же "Rigsvåben" используется ныне, как правило, в качестве общего имени обоих гербов[62].

Областные гербы

Все, что выше было сказано о происхождении государственного герба, должно быть повторено и в отношении гербов тех областей, которые в Средние века и в Новое время имели статус герцогств или графств. Иначе говоря, многие областные эмблемы западноевропейских государств тоже берут свое начало от гербов феодальных правителей – герцогов и графов.

Что касается Дании, то здесь только одно феодальное владение существовало длительное время, а именно герцогство Ютландское, или Шлезвигское. Герб первой династии этого герцогства, пресекшейся в 1375 г., представлял собой два синих льва и многочисленные красные сердца в золотом поле. Сердца, впрочем, в XIV в. не всегда изображались. Именно без сердец этот герб использовался представителями последующих династий, правивших в Шлезвиге: сначала графами Гольштейна из дома Шауэнбургов (до 1459 г.), а затем Ольденбургами – королем Дании Кристианом I и его потомками. При Шауэнбургах и Ольденбургах герб герцогов вошло в обыкновение рассматривать и как герб самого герцогства. Со времени короля Кристиана I герб Шлезвига всегда присутствовал в составном гербе датских государей, символизируя то, что они являлись герцогами Шлезвигскими, о чем также свидетельствовал их титул. Два синих льва в золотом поле и сегодня являются гербом одной из датских областей, а именно амта Южная Ютландия, охватывающего территорию северной части бывшего герцогства Шлезвигского, которая осталась в составе Дании[63].

Иначе обстоит дело с происхождением эмблем тех датских областей, которые никогда не обладали статусом ленного (феодального) владения и, как следствие, не имели своих областных государей. Эмблемы таких областей земель (*terra, land*) и их подразделений – херредов (*provincia, herred*), из которых состояло Датское королевство в Средние века и в первые столетия Нового времени, зарождались, как о том свидетельствуют наши источники, в виде изображений на печатях. Такие печати в конце XIII – XIV в. создавались в первую очередь в целях употребления в местных судах, для скрепления судебных актов. Не будучи гербами владетельных особ, эти эмблемы первона-

[62] *Bartholdy N.G.* Danmarks våben og krone: Historisk baggrund og retningslinier for brug i nutiden. Kbh., 1995. S. 9.

[63] *Achen S.T.* Amtets våbener // Herald. Tidsskr. 1987. N 55. S. 208.

чально не рассматривались как "arma" (*vapn, vaaben*), но лишь как знаки (*marke, signum*). Именно словом "signum" в одной из грамот короля Эрика Померанского (1424 г.) обозначен "лист крапивы" (*folium urticae*), изображавшийся на печатях жителей острова Фемерн (*in sigillis terrae eorum*)[64].

Не могли областные знаки в начале своего существования называться "гербами" ("оружием") и по той причине, что предмет, на котором они представали, не являлся предметом вооружения. Однако постепенно, в XV–XVI вв., когда "геральдическое оружие" – щит и шлем – все больше приобретало значение отвлеченно-символическое, когда в обыденном сознании начинали стираться различия между разными по своему происхождению видами эмблем, к знакам датских административно-территориальных единиц стали прилагаться термины "vaaben", "insigne" и "insignia" Ранее употреблявшийся знак мог утверждаться в качестве "vaaben" и королевскими грамотами. Самый ранний случай такого рода относится к 1447 г., когда король Кристофер Баварский обременил гербом эмблему южноютландского херреда Лёг (Løg herred)[65].

Несколько позже, в XVI в., с указанными терминами стали представляться и те эмблемы земель (Фемерн, Борнхольм, Гренландия, Готланд, Фарерские острова, Исландия), которые были представлены в составном королевском гербе. Действительно, именно словом "insigne", как и эмблемы королевств, герцогств и графств, они обозначены в описании похорон короля Фредерика II (1588 г.). На гравюре того времени, передающей один из эпизодов этих похорон, все названные областные гербы предстают на щитах (илл. 36). Как и символы королевств и княжеств, они отвечали образу герба. Можно также сослаться на грамоту короля Фредерика II, относящуюся к 1580 г., в которой новая эмблема (золотая корона в синем поле) острова Фемерн обозначена термином "vaaben"[66].

В те же столетия на почве признания за эмблемами вышеупомянутых областей значения гербов не могли не возникнуть духовные условия и для восприятия в таковом качестве знаков прочих островных земель и херредов. Эти знаки вошло в обыкновение заключать в щиты, т.е. они, получая значение герба, приобретали и характерный для герба художественный облик.

Отметим также, что только с развитием научного знания о датской геральдике в конце XIX и первой половине XX в. за эмблемами земель Дании утвердилось имя "областные гербы" (*landskabsvåbener*).

Городские гербы

Не сразу термин "arma" (*vapn, vaaben*) стал использоваться для обозначения эмблем и датских городских общин, или городов. Свое происхождение многие из этих эмблем вели от иконографии печатей, которые городские общины Дании употребляли с XIII столетия. На этих печатях, восходящих в ос

[64] Acta Processus inter Ericum Regem Daniae ab uno et Ducem slecvicensem ac Comitis Holsatiae ab altera parte de Ducatu Slesvicensi 1424 // SRD. 1792. T. VII. P. 300.

[65] *Verwohlt E.* Retsbeskyttelse af offentlige våbener og slægtsvåbener // Herald. Tidsskr. 1994. N 70. S. 456.

[66] DNT. Bd. II. S. 433.

новном к XIV–XVI вв. знаки представлены заключенными в щиты в единичных случаях, да и то лишь начиная с конца XV в. Из чего уже можно вывести, что самая иконография печатей датских городов поначалу не обозначалась словом "оружие".

В то же время изображения, которые обнаруживаются на ранних печатях датских городов, характеризуется особенностями, свойственными иконографии печатей многих западноевропейских городов высокого Средневековья[67]. Среди этих типических изображений часто представлены башни с крепостными стенами и соборы, по обыкновению сопровождаемые знаками дневного и ночного светила в виде звезды и луны на ущербе[68]. Сообразуясь с религиозно-символическим миросозерцанием той эпохи, в которую на западноевропейской почве получили распространение городские печати с подобными знаками (XII–XIII вв.), можно с большой долей уверенности утверждать, что указанная иконография носила характер христианско-символический. Картина крепости и собора являла собой образ, символизировавший Небесный Град, Горний Иерусалим, которому уподоблялись все христианские грады дольнего мира. И такой типический образ, представавший на печати, конечно, поначалу не мог выставляться в качестве символического знака отдельного города, подобно тому, как образ восседающего на троне короля – иконография, характерная для королевских печатей тех столетий, указывавшая на прообраз Небесного Царя, – не рассматривался в качестве отличительной эмблемы и тем более герба короля конкретного королевства. Впрочем, как и тронные образы государей на королевских печатях, крепости и соборы на печатях городских характеризовались только сходством, подобием существенных признаков, что, в свою очередь, предполагало присутствие частных различий. С течением времени, в XIII–XV вв., с развитием готического искусства и номиналистического умозрения, под влиянием впечатлений от внешнего, "натурного" вида строений конкретного города, в условиях нараставшего обмирщения западноевропейского искусства, таким различиям стало уделяться все большее внимание. Иными словами, иконография городских печатей развивалась по пути индивидуализации типических изображений, подготавливая тем самым почву для появления отличительных знаков городских общин. И, конечно, наряду с крепостями и соборами этот путь проделывали и другие знаки, которые, как образы святых или агнец с крестовой хоругвью, а также якорь, лилия и корабль (их религиозно-символическое употребление в Средние века хорошо известно), составляли христианское содержание иконографии печатей датских городов (илл. 69–71). В том же направлении развивалось представление и о тех городских знаках, которые с очевидностью выставлялись символами мирских воззрений, как атрибуты светских и духовных владетелей, занимавших по

[67] О типах иконографии печатей средневековых городов Западной Европы см.: *Seyler G.A.* Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894. S. 306.

[68] DKSS. Indledning. S. 7–9. Печати с изображением крепости и собора с XIII–XIV вв. употребляли общины крупнейших датских городов: Ольборга, Орхуса, Калундборга, Копенгагена, Лунда, Мальмё (Ibid. S. 9; Tavle I b, 2 a, 6 a, 7 i, 26 g, 27 g). Отметим также, что средневековые датские города не имели укреплений в виде крепостных стен, чем дополнительно подтверждается символический характер изображений крепостей и башен на печатях их обитателей.

Илл. 69. Печать городской общины Роскилле, 1286 г.

Илл. 70. Печать горожан Нестведа, 1421 г.

отношению к городским общинам положение сеньоров[69]. Однако, как мы увидим ниже, не все ранние знаки печатей городов Дании утвердились под именем "герба". Некоторые из этих знаков должны были уступить место новым эмблемам, и именно по той причине, что последние явились со значением "герба", а не только "знака".

Неизвестно, какой термин употреблялся в Дании XIII–XIV вв. по отношению к эмблемам городских печатей. Но мы знаем, что в соседней, родственной по языку и обычаям Швеции в XIV в. таким термином было слово "merke", чему находим свидетельство в "Городском уложении" короля Магнуса Эрикссона (1350 г.). Из текста этого законодательного памятника следует, что за городами Швеции признавалось право иметь свой знак (*Stader hafwi sitt Merkie*)[70]. Вероятно, что и в Дании XIII–XIV вв. данный термин был в ходу для обозначения иконографии городских печатей или отдельных знаков этой иконографии. Во всяком случае, так обстояло дело еще на рубеже XV–XVI столетий. В указе короля Ханса 1491 г., регламентировавшем деятельность датских ювелиров, сказано, "что каждый золотых дел мастер в любом городе должен ставить знак города и свой собственный (*bysens oc sith eget mercke*) на любое изделие,

Илл. 71. Печать городской общины Хельсингёра, 1456 г.

[69] См.: Там же. С. 230–232.

[70] *Dahlberg U.* Stadsvapen // KLNM. 1972. Bd. XVII. S. 19.

От XV столетия, однако, сохранилось достоверное свидетельство, обнаруживаемое в подлинной грамоте короля Эрика Померанского, датируемой 1437 г. (илл. 57), что эмблема одного из датских городов, а именно Мальмё, уже обозначалась термином "wapn" Но в данном случае речь шла об особой милости короля Эрика, который решил отблагодарить за верность и службу бургомистра, совет и общину города Мальмё тем, что "на вечное время" (*til ewech tiidh*) даровал им право представлять герб на печати и щите (*Wapn oc Clenodia vti jncigle oc Schiold at føre*). Этот герб в тексте грамоты был представлен следующим образом: "голова красного грифа с красной шеей и красными ухом и клювом, на голове позолоченная корона в белом поле. И на шлеме голова того же красного грифа с позолоченной короной, с пучком страусовых перьев на короне, белым и красным"[73].

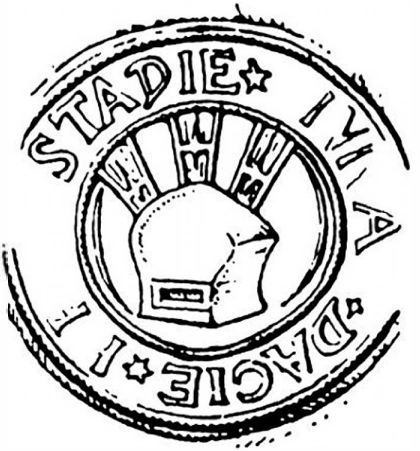
В соответствии с определением королевской грамоты, горожане Мальмё с тех пор стали изображать пожалованный им герб на печатях своего города[74]. Правда, и свою старую печать, известную с 1350 г., на которой была изображена церковь над волнами, месяц и шестиконечная звезда, они временами по-прежнему употребляли вплоть до 1521 г.[75]

Из приведенного описания герба города Мальмё, а также из его цветного изображения, помещенного под текстом грамоты, нетрудно определить, что мальмёсцы получили от короля Эрика герб, который своими внешними, художественными свойствами сильно отличался от эмблем, представлявших в Средние века на печатях датских городов, и, напротив, походил на дворянские гербы. Тем самым можно заключить, что сообщение термина "wapn" новой эмблеме города Мальмё в XV в. явилось следствием причины исключительной. Король сознательно пожаловал городской общине Мальмё эмблему, которая в Дании эпохи позднего Средневековья представляла собой типичный образ дворянского герба. Другие же датские города, не имевшие права на использование такого рода эмблем, в XV – первых десятилетиях XVI в. по-прежнему продолжали употреблять печати с иконографией, которая обозначалась термином "знак"

То, что на средневековую иконографию печатей датских городов еще в XVI в. смотрели не как на гербы, видно из содержания следующего документа. В 1562 г. король Фредерик II выдал "нашим подданным горожанам в нашем городе Рённе на нашей земле Борнхольм" через их уполномоченных, городских советников Хенрика Олуфсена и Педера Ибсена, грамоту. Из ее текста явствует, что прежде эти горожане "никакого герба города... не имели, но, однако, использовали печать, на которой стояли три рыбы" Поэтому

[71] DRL 1397–1513. N 41.
[72] DRL 1513–1523. N 6.
[73] "Swasom er et røt grips howith meth rødh hals oc rødhe øren oc owen pa howithet een forgult krone vti et hwit feld. Oc vpa hielmen sammelethis eet røt grips howit meth een forgylt krone meth een busk strudzfiedhre myt aa kronen, hwidh oc rødh" (Цит. по: *Tratteberg II* Stadsvåpen. S. 19–20).
[74] DKSS. Tavle 28 e–h.
[75] Ibid. Tavle 27 g.

Илл. 72. Печать города Рённе, 1584 г.



Илл. 73. Печать города Хальмстада, 1567 г.

Илл. 74. Герб города Хальмстада, 1603 г.

Илл. 75. Герб Копенгагена, 1661 г.

жители Рённе "покорно просили, чтобы мы гербом, который они могли бы использовать на печати их города, милостиво одарили бы" И король объявил: "...по нашей особой милости... этой нашей открытой грамотой дозволяем и даем нашим подданным горожанам в Рённе и их преемникам в том же месте герб, который должен быть три белые трески в синем поле", дабы они могли "тот же герб всегда впоследствии использовать на печати их города"[6].

[6] "Gjøre alle vitterligt, at efterdi vore Undersaatte Borgere udi vor Kiøbsted Rødne paa vort Land Boringholm have med deres Fuldmægtige Henrich Olufsm og Peder Jbsen Raadmænd dersammesteds lader give tilkende, hvorledes at de her til dags ingen Byens Vaaben... haft havet, og haver dog bruget et Jndseigl, hvorudi haver standet tre Fiske og derfore underdanigst begieret, at vi med et Vaaben, som de udi deres Byens Seigl kunde bruge, naadeligen ville begave. Thi have vi af vor

Данный герб, заключенный в щит, мы и обнаруживаем на древнейшей из сохранившихся печатей Рённе, бывшей в употреблении в 1584–1655 гг. Помимо гербового щита на этой печати представлен образ св. Иоанна в полном облачении католического епископа (небесного покровителя горожан), его инициалы "SI" и дата "1584"[77] (илл. 72), из чего видно, что иконография городских печатей могла включать не только гербы. О том же свидетельствует иконография двух из печатей Мальмё, использовавшихся в 1508–1555 и 1574–1610 гг. Кроме городского герба, пожалованного Эриком Померанским, на первой изображен один дикарь, на второй – два дикаря[78].

В дальнейшем, уже в XVII в., насколько можно судить по сохранившимся документальным свидетельствам, короли Дании произвели еще четыре пожалования гербов датским городам. В двух случаях, касающихся гербов городов Хальмстада и Копенгагена, старая иконография печатей дополнялась новыми знаками и, в результате, вместе с этими знаками она становилась частью гербового изображения. Так, городская община Хальмстада с XIV до начала XVII в. употребляла печати с изображением рыцарского шлема, который украшали сначала четыре линии в виде латинской буквы "w", а затем три снопа колосьев (илл. 73). Около 1603 г. король Кристиан IV пожаловал этой общине герб, представлявший собой, помимо рыцарского шлема с упомянутыми снопами, дополненного лишь наметом, синий щит с тремя увенчанными коронами красными сердцами на горизонтальной серебряной балке (илл. 74). Как следствие, новая эмблема Хальмстада, которая с того времени была представлена на его печатях[79], приняла образ типичного для той эпохи дворянского герба. Подобный образ приняла также эмблема Копенгагена после того, как в 1661 г. общине этого города король Фредерик III пожаловал герб (*Waaben*), состоявший из овального щита со старым знаком копенгагенских печатей в виде трех башен, и, кроме того, с тремя рыцарскими шлемами и двумя львами-щитодержателями (илл. 75).

Два другие герба были утверждены Кристианом IV для новых городов – Кристиансстада (1622 г.)[80] и Кристиансхавна (1639 г.)[81].

Самое то, что некоторые датские города имели эмблемы, которые назывались гербами, могло подать повод к тому, что эмблемы и других городов Дании, которые поначалу гербами не являлись, со временем получили это имя. Во всяком случае, в дальнейшем термин "arma" ("vaaben") стал употребляться для обозначения уже эмблем всех датских городов, причем не только тех, которые во второй половине XVI – XVII в. были пожалованы по грамоте в качестве герба, но и тех, которые изначально, еще с XIII–XIV вв., являлись знаками на печатях. Так, на печати города Рибе, бывшей в употреблении в

---

sunderlig Gunst og Naade undt og givet, og nu med dette vort aabne Brev unde og give forskrevne vore Undersaatte Borgere udi Rødne og deres Efterkommere der sammesteds et Vaaben, som skal være Tre hvide Torske udi et blaat Feldt, og samme Vaaben altid herefter at bruge udi deres Byens Indsegl" (DM. Bd. II. S. 98).

[77] "S'CIVITATIS ROTHA IN INSULA BORNHOLM" ("печать города Рённе на острове Борнхольм") (DKSS. Tavle 16 l).

[78] Ibid. Tavle 28 e, g.

[79] DKSS. Tavle 24 a–i; *Hähnel M.* Halmstads krönta Hjärta // Herald. Tidsskr. 1965. N 11. S. 25–26.

[80] Ibid. Tavle 23 g–h.

[81] Ibid. Tavle 2 k.

1554–1653 гг., находим легенду "S' ET ARMA CIVITATIS RIPENSIS" ("печать и герб города Рибе") и на щите старинную эмблему этого города – собор и три льва, частично закрытых изображением собора[82]. Прежде, в 1295–1543 гг., эта эмблема изображалась на рибеских печатях без щита и гербом не называлась[83] (илл. 76). Сохранилась также другая печать Рибе, датируемая 1583–1625 гг., на которой видим щит с тем же гербом в сопровождении трех букв: "RSV" Эти буквы расшифровываются как "Ribe Stads Vaaben" ("герб города Рибе")[84].

Илл. 76. Печать городской общины Рибе, 1295 г.

Что касается эмблем большинства других датских городов, то в источниках XVI–XVII вв. они еще довольно редко упоминаются под именем "vaaben" Самое это слово встречаем только в легенде печати города Кристиансхавна, восходящей к 1648–1657 гг.: "CHRISTIAN SHAFFNS STADZ WABEN" ("герб города Кристиансхавна"). Но в данном случае точно известно, что на печати изображен пожалованный королем герб.

Кроме того, в легендах печатей двух городов – Лемвига[85] и Рудкёбинга[86], – употреблявшихся соответственно в 1608–1655 и 1610–1648 гг., присутствует слово "insignia", которое в латинских текстах XVII в. обыкновенно служило синонимом слова "arma" ("герб"): "INSIGNIA CIVITATULAE LEMVIG" ("*insignia* городка Лемвига"), "[I]NSIGNIA CIVITATIS RUD COPENSIS" ("*insignia* города Рудкёбинга").

Конечно, из того факта, что слово "герб" отсутствует в легендах печатей других датских городов, вовсе не следует, что эмблемы этих городов во второй половине XVI–XVII вв. не могли уже восприниматься в качестве гербов. Ведь даже на печатях тех нескольких городов, которые имели пожалованные королями гербы (Мальмё, Рённе, Хальмстад и Кристианстад), слова "vaaben" ("arma", "insignia") не находим.

Источники второй половины XVI – XVII в. свидетельствуют также о том, что не все эмблемы городов, которые обозначались словом "vaaben" или его латинскими соответствиями, изображались на щитах, не говоря уже о пле

[82] Ibid. Tavle 15 b.
[83] Ibid. Tavle 14 d–e.
[84] Ibid. Tavle 15 e.
[85] Ibid. Tavle 9 f.
[86] Ibid. Tavle 16 i–k.

мах, которые лишь в нескольких случаях являлись элементами городских гербов. Так, без щитов представлены эмблемы на печатях Лемвига и Рудкёпинга. Отметим, однако, что и та эмблема, о которой нам доподлинно известно, что она была пожалована городу в качестве герба, как в случае с эмблемой города Кристианестада, изображалась на печатях без щита (1624–1657 гг.). Как можно заключить по этому факту, в XVII в. понятие "городского герба" не обязательно предполагало наличие щита или шлема. Но и во второй половине XVI в., судя по тексту грамоты на пожалование герба горожанам Рённе, эти элементы отсутствовали в описании городского герба. Такое разнообразие иконографии "герба", как уже отмечалось выше, проистекало из расширения представлений о его художественных свойствах, чему способствовало абстрагирование самого понятия "герб" от первоначальных носителей гербовых знаков – щита и шлема. Это, в свою очередь, создавало духовную почву для того, чтобы во второй половине XVI – XVII в. за старинными эмблемами печатей датских городов мало-помалу утвердилось имя "vaaben" или его латинских заместителей. Впрочем, в дальнейшем, в XVIII–XX вв. такой элемент, как щит, обыкновенно изображался в качестве художественного обрамления городского герба.

Отметим также, что уже в XX столетии в датской геральдической литературе для обозначения имен городских эмблем, помимо слова *byvåben* ("герб города"), вошел в употребление термин *kommunevåben* ("герб общины"). Более того, во второй половине указанного столетия выражение "герб города" приобрело характер исключительно исторический, как обозначение понятия, которое перестало отражать явление современной действительности. В самом деле, в новейшую эпоху в Дании под "городом" стали понимать культурно-географическое пространство, которое в административном отношении может являться территорией одной, двух или нескольких самоуправляющихся "общин". Именно эти административно-территориальные единицы, на которые поделена вся Дания, а не "города", стали символизироваться гербами. У большинства общин гербы новые, созданные только во второй половине XX в., но существуют и такие общины – как правило, расположенные в пределах старых датских городов, – которые унаследовали гербы, правда, зачастую с некоторыми изменениями, этих городов. К этому добавим, что самое понятие "герб общины" свидетельствует о том, что в Дании сохранилось представление о гербе не только как о символе индивидуального лица или рода, но и как о символе коллективной индивидуальности – сообщества людей, проживающих на известной территории и обладающих известными правами и обязанностями. Такое представление, несомненно, своими корнями восходит к Средневековью и первым векам Нового времени, когда печати и гербы городов трактовались как печати и гербы их горожан, объединенных в общины со статусом "лица" юридического.

Церковные гербы

Первые знаки римско-католических церковных учреждений в виде образов святых, крестов и других христианских символов известны по данным сфрагистики. Печати с такими знаками, представлявшими собой типичные для христианского мира эмблемы, в XII–XIII вв. вошли в употребление и у

датских духовных учреждений или, точнее, у их руководителей – епископов, аббатов, приоров, соборных пробстов[87].

В иконографии печатей учреждений католической церкви поначалу отсутствовали знаки, заключенные в щиты, и, следовательно, ни к этой иконографии, ни к ее отдельным знакам не мог прилагаться термин "оружие" (*arma*). Не могли эти церковные эмблемы обозначаться словом "оружие" и по той причине, что деятели церкви не принадлежали к миру придворно-рыцарской культуры. Говоря иначе, сословный, культурно-общественный типический образ лиц духовного звания в эпоху рождения и становления герба не характеризовался предметами оружия, такими как щит и шлем с их знаками.

Илл. 77. Печать епископа Виборгского Кнута Миккельсена, 1450 г. года

Религиозно-символический характер иконография печатей церковных учреждений и их руководителей или представителей имела до второй половины XIII в., когда, несомненно, вследствие постепенно нараставшего обмирщения сознания человека западноевропейского мира, в среде католического духовенства, в том числе и датского, ноя вляется тяга к использованию печатей с личными знаками. Но сами эти знаки возникали до того, как они представали на печатях. В высокое Средневековье нередко случалось, что прелат римско-католической церкви облачался в воинские доспехи, брал в руки оружие, и при этом его щит мог заключать изображение, которое характеризовалось как личные знаки. В Дании во второй половине XII в. таким прелатом был епископ Абсалон, который, по свидетельству его современника Саксона Грамматика, в одном из сражений был узнан по каким-то знакам, представавшим на его боевом щите. Во второй половине XIII – XV в. такого рода личные знаки католических прелатов и на их печатях представали заключенными в щиты (илл. 77) и, подобно дворянским эмблемам, по крайней мере, с XIV в. обозначались именем "arma" или по-немецки "wappen" ("vapn"). В то же время надо иметь в виду, что многие прелаты происходили из дворянских родов, вследствие чего изображали на своих печатях именно родовые гербы.

В Дании, однако, о чем свидетельствует случай с эмблемой архиепископа Биргера Гуннерсена (ум. 1519), еще на пороге Нового времени гербами не признавались личные знаки тех прелатов, которые не происходили из дворянского сословия. На характер имени этих личных знаков не могло повлиять и то обстоятельство, что они представали, как видно из иконографии печатей Биргера Гуннерсена, в образе дворянского герба, с рыцарским щитом и шлемом (цв. илл. 3). Впрочем, по традиции, восходившей к XII в., на руководящие должности в церковной иерархии Дании избирались преимущественно представители "дворянских" родов. С конца XIII в. отпрыски таких ро

[87] *Prange K.* Danmark (Gejstlige segl) // KLNM. 1970. Bd. XV. S. 201-203.

дов, становясь клириками, обычно употребляли печати с иконографией, включавшей, кроме церковных символов, личные родовые гербы. Этот обычай около XIV в. переняли также датские епископы, в позднее Средневековье, вплоть до Реформации 1530 х годов, за редким исключением происходившие из аристократических родов. Отсюда проистекало то, что термин, прилагавшийся к эмблемам отцов-дворян – "vaaben", сохранялся и в качестве имени тех же эмблем, унаследованных сыновьями-клириками. Однако ни в Дании, ни в других западноевропейских странах личные или родовые эмблемы духовных особ никогда не исполняли роль эмблем церковных учреждений. Для таких целей использовались другие знаки.

В то время, когда у католических клириков утверждался обычай носить личные или родовые эмблемы, в Западной Европе стали создаваться отличительные знаки для святых, которые являлись основателями или считались небесными покровителями тех или иных церковных учреждений. В позднее Средневековье получила распространение, в том числе в Дании, даже особая эмблема Иисуса Христа, со щитом и, порой, шлемом, которые несли изображения орудий Страстей Господних (илл. 3). В XIV в. за такими эмблемами тоже закрепилось имя "arma": например, "arma Sancti Wencezlai Martiris" ("герб Святого Вацлава Мученика")[88], "arma Christi" По крайней мере, с XV в. термин "оружие" (*wapen*) употреблялся по отношению к эмблеме Христа и в Дании[89].

Поскольку епископы и другие прелаты на своих должностях мыслились преемниками или наместниками тех святых, которым были посвящены их епархии и обители, то у этих прелатов, наряду с их личными гербами, вошло в обыкновение носить и гербы покровителей их духовных учреждений. Примером здесь может служить герб папы Римского – два ключа и корона или тиара, – который мыслился гербом апостола Петра – первого епископа Рима. Эти знаки герба св. Петра присутствовали в эмблемах также других церковных учреждений, находившихся в разных странах Европы; они представлены и на печати датского монастыря св. Петра в Несткеде[90].

Измышленные средневековым сознанием гербы святых могли представать на печатях и без изображений этих святых, каковые, вместе с различными христианскими символами, поначалу составляли непременное иконографическое содержание печатей церковных учреждений. Следовательно, гербы святых представали как символы самих этих святых и вместе с тем учреждений, которым они покровительствовали. В то же время прелаты на своих печатях рядом с гербами их небесных патронов помещали и свои личные эмблемы. Обычай передавать на печатях епископов два герба – небесного заступника и личный, – в первой половине XIV в. прочно утвердившийся на западноевропейской почве, к началу XV в. пустил корни и в Дании.

[88] См. грамоту короля Чехии Яна Люксембургского (1339 г.), в которой этот государь дарует "герб Святого Вацлава Мученика", "славного Патрона нашего Королевства" (*Regni nostri Patroni gloriosi*) епископу Николаю Тридентскому, "его преемникам, а также... Церкви Тридентской" (*successoribus suis, ac... Ecclesiae Tridentinae*) (*Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. Anhang. Urkunden. N 13).

[89] *Mackeprang M.* Christi Lidelsesredskaber – "Christi Vaaben": En arkæologisk skitse // ANOH. 1951 Kbh., 1952. S. 178–195.

[90] *Achen S.T.* Himmeriges Nøgle og Næstved Byvåben // Herald. Tidsskr. 1962. N 6. S. 261–265.

Например, на печати епископа Роскилле ского Педера Йенсена (Лодехат) (ум. 1416) находим в центре композиции образ па трона Роскиллеской епархии, папы Рим ского св. Луция, по бокам от него мень шего размера образы апостолов Петра и Павла, ряд других знаков и два гербовых щита. В одном из этих щитов представле ны два ключа и крест – герб св. Луция и, соответственно, посвященной ему Рос киллеской епархии, в другом – личный герб епископа: голова человека с бородой и в шапке[91] (илл. 78). Те же два гербовых щита, но на этот раз увенчанные шлемами с нашлемниками и наметами, позднее были изображены на надгробной плите епископа Педера, сохранившейся в Рос киллеском кафедральном соборе. Здесь, однако, гербы переданы вместе с образом самого почившего прелата[92] (илл. 25).

Илл. 78. Печать епископа Роскиллеского Педера Йенсена (Лодехат), начало XV в.

Как и на печати епископа Педера Ло дехата, на печатях других датских пре латов позднего Средневековья, вплоть до конца католической эпохи (1536 г.), обыч но было принято изображать образы свя тых патронов, правда, часто в сопровож дении только личного (родового) герба пре лата. С такой иконографией предстает, на пример, печать епископа Роскиллеского Лаве Урне под несколькими документами 1527–1530 гг. (илл. 79). На ней видим вос седающего на престоле папу Римского св. Луция – небесного покровителя Рос киллеской епархии – и, у подножия пре стола, рыцарский щит с гербом аристокра тического рода Урне (орлиная лапа), увен чанный епископской митрой с посохом[93].

Илл. 79. Печать епископа Роскиллеского Лаве Урне, 1527 г.

Сам факт присутствия образа святого на печатях датских прелатов, с гербом ли духовного учреждения или без него, слу жит еще одним очевидным свидетельст вом того, что в Дании изначальная иконография печатей католических кли риков существовала как особый знаковый ряд. Иными словами, эта ико нография возникла и в дальнейшем претерпевала изменения как церковная

[91] См.: *Albrectsen E.* Fællesskabet bliver til 1380–1536. Kbh., 1997. S. 168 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. I).
[92] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissances Tid. Kbh., 1951. Bd. I. N I.
[93] DM. 1747. Bd. III. S. 289.

эмблематическая традиция. И только оскудение христианского мировоззрения у римско-католического духовенства, столь явно обозначившееся в высокое и позднее Средневековье, создало духовную почву для появления в его среде потребности в употреблении, наряду с церковными образами и символами, гербов – знаков куртуазной, мирской культуры.

Этому способствовало и то, что многие епископы и аббаты по землям их церковных учреждений являлись феодальными владетелями, обязанными в силу феодального права выставлять военные отряды, которые они иногда сами и возглавляли. На этой почве, несомненно, в подражание светским правителям, у прелатов развился обычай отличать свои щиты и знамена знаками, которые символизировали их епархии и обители. В дальнейшем такие знаки могли претерпевать изменения, вероятно, с согласия вышестоящего сеньора, как это произошло в 1305 г. по воле короля Римского Альбрехта с "signum armaturae" епископа и епископства Гуркского. Король предписал епископу Генриху, его преемникам и церкви Гуркской носить щит и знамя с эмблемой, описанной следующим образом: справа золотой лев в черном поле, слева деление по горизонтали, вверху цвет белый, внизу – красный[94]. Из данного примера хорошо видно, что носителем знака церковного учреждения непременно мыслился его руководитель, в нашем случае – епископ.

Поначалу знаки и гербы датских духовных учреждений, вероятно, также создавались по собственному почину их высших клириков – епископов и других прелатов. Но от конца Средневековья имеем одно свидетельство о том, что в Дании, как и в Германии, государь мог пожаловать церковное учреждение и его руководителя гербом. В 1508 г. наследник датского престола, "наследственный король Норвежского государства, избранный король Дании и Швеции" Кристиан (Кристиан II) "открытой грамотой" даровал пробсту Роскиллеского кафедрального собора Эрику Валькендорфу и "его преемникам соборным пробстам... герб, щит и шлем" То был "позолоченный слон с позолоченным зáмком на спине в синем щите, и на том же синем щите позолоченные лилии, и в качестве знака на шлеме позолоченный зáмок, стоящий внутри короны" (илл. 59)[95].

Таким образом, пожалованный герб датского церковного учреждения мыслился личностно, через его руководителя. К этому добавим, что герб пробстов Роскиллеского собора представлен в типическом образе дворянского герба, в образе, которому в позднее Средневековье следовали и личные (родовые) эмблемы высших чинов церковной иерархии. Отсюда заключаем, что эмблемы учреждений католической церкви в Дании получали имя герба в том числе вследствие обретения ими образа, отвечавшего внешним, чувственно-зримым свойствам, которые определяли понятие "герба" в придворно-рыцарской культуре.

[94] *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. Anhang. Urkunden. N 5.

[95] "Wi Christiern Guds Nade ret Arfve Konning til Norgis Rige udvalt Konning Danmark og Sverrig... dette vort Aabne Brev... give det værdige prælaturæ Dom-Prousted i Roeskilde og hans Efterkommere Dom-Prouster der sammestæds... Vaaben Skiold og Hielm som er en Forgyldt Elephant med it Forgyldt Slot paa Ryggen uthi en blaa Skiold og samme blaa Skiold ther imellem oversat med sine Forgyldte Lilier og til hiertegn paa Hielmen it Forgyldt Slot staaendes inden i Kronen" (*Bircherodius Janus.* Breviarium eqvestre, geu De Illustrissimo et Inclytissimo Eqvestri Ordine Elephantino Eiusqve Origine, progressu, ac splendore hodierno Tractatus. Havniae, 1704. P. 37).

Однако век существования гербов датских католических учреждений был недолог. Лютеранская Реформация, победившая в Дании в 1536 г., упразднила эти учреждения. А вместе с ними канули в Лету их гербы. Впрочем, вскоре после укоренения в Дании евангелического вероучения были учреждены епископства Датской лютеранской церкви. И со временем у этих церковно-административных новообразований и их руководителей тоже возникли отличительные эмблемы, за которыми в новейшую эпоху утвердилось имя "герба"

* * *

Подводя итог рассмотрению вопроса о развитии идеи герба в датском обществе, можно сделать вывод о том, что понятие "герба", первоначально на датской почве усвоенное в дворянско-аристократической среде, только со времени позднего Средневековья стало прилагаться к эмблемам, обозначавшим Датское королевство и Данию, ее области, города и церковные учреждения. С 1679 г. гербами признавались также эмблемы королевских чиновников, уравненных в правах с дворянами. Самое приложение имени "герба" к недворянским эмблемам явилось следствием усвоения за этими эмблемами культурно-общественного значения и чувственно воспринимаемых художественных свойств, которые определяли понятие "герба" в аристократической среде. Действительно, по внешним характеристикам гербы недворян, Дании, ее городов и областей, церковных учреждений и их деятелей предста вали в образе, по обыкновению включавшем в себя рыцарский щит и, часто, шлем. Как и гербы дворянские, бывшие не только (и не всегда) родовыми, но и непременно личными эмблемами, эти гербы являлись символами личности и общественной индивидуальности. Гербы Датского королевства и герцогства Шлезвигского вели свое происхождение непосредственно от личных эмблем их правителей. Следовательно, еще до распространения понятия и термина "герб" на недворянские эмблемы носители последних являлись индивидуальностями, которые в Средние века и Новое время распознавались через правовое состояние. Самоопределение юридической индивидуальности именно через отличительную эмблему свидетельствовало также о том, что, как и в среде аристократии, в других слоях датского общества развивалось такое индивидуальное начало, которое искало самовыражения и самоутверждения посредством внешних знаков. И, поскольку по своему происхождению герб являлся знаком лица, принадлежавшего к дворянско-аристократической среде, утверждаться в обществе через эмблему, по художественным свойствам походившую на герб или прямо признававшуюся за него, отличало выражать тоску по социокультурным качествам дворянства. Иными словами, интерес к гербам в различных слоях датского народа развивался на почве перемен, определявших течение духовной и стоявшей в зависимости от нее общественно-политической жизни Датского королевства. Эти перемены отражали душевное настроение и, как следствие, характер умонастроения датского, а равно и всего западноевропейского общества в позднее Средневековье и последующее Новое и Новейшее время, все больше утверждавшегося в самодостаточных суетных представлениях дольнего мира.